

ФАЛЬШИВАЯ
НОТА

Lefty Katerina

Britt Marling

Фальшивая нота

<https://litres.ru/74308944>

Аннотация

Она — лучшая пианистка академии. Гениальная. Безупречная. И она ненавидит каждую сыгранную ноту. Кристина Никольская — инструмент в руках матери. Её жизнь — это чужая мечта, за которую она платит своим «я». Она просыпается с одной мыслью: «Если бы я могла просто исчезнуть». Конкурсы, победы, аплодисменты — всё это клетка. А она хочет стать юристом. Помогать людям. Жить своей жизнью. Но сказать об этом матери она не решается годами. Он — её главный соперник. Холодный, идеальный, пустой внутри. Максим Белозёров — наследник музыкальной династии, запертый в золотой клетке отца-тирана. Он играет безупречно, потому что не имеет права на ошибку. Он не чувствует, потому что чувства — это слабость. Но когда Кристина срывается на конкурсе, он бросает ей вызов: дуэт. Пари. Или она докажет, что не сломалась, или исчезнет из его мира навсегда. Их дуэт становится битвой. А битва — любовью. Между ними вспыхивает запретная связь: от ненависти до страсти, от нот до прикосновений.

Содержание

ГЛАВА 1: «Пустая клавиша»	4
ГЛАВА 2: «Тишина»	37
ГЛАВА 3: «Пустота»	52
ГЛАВА 4: «Чужие»	67
ГЛАВА 5: «Афиша»	82
ГЛАВА 6: «Пари»	105
ГЛАВА 7: «Глоток воздуха»	120
ГЛАВА 8: «Белый шум»	135
ГЛАВА 9: «Первый шаг»	149
ГЛАВА 10: «Два мира»	157
ГЛАВА 11: «Голос отца»	169
ГЛАВА 12: «После отца»	180
Конец ознакомительного фрагмента.	182

ГЛАВА 1: «Пустая клавиша»

Она проснулась за три минуты до будильника.

Этот старый телефон, лежавший на тумбочке между стопкой нот и потрёпанной книгой в мягкой обложке, не издал ни звука. Кристина просто открыла глаза — и в тот же миг экран загорелся, высвечивая 6:27. Она всегда так просыпалась. Каждое утро, без исключений, за три минуты до сигнала. Тело привыкло вставать в половине седьмого, даже когда мозг умолял дать ему ещё хотя бы полчаса. Но мозг тоже был дисциплинирован. Он знал: репетиции никто не отменял.

Она лежала на спине, глядя в потолок. Там, на побеленной когда-то поверхности, проступала старая трещина, похожая на карту неизвестной страны. Кристина знала каждый её изгиб, каждую развилку, каждую точку, где трещина ветвилась на более мелкие линии. Она смотрела на эту трещину каждое утро уже семь лет — с того дня, как они переехали в эту квартиру. И каждое утро она думала: «Если бы я могла просто исчезнуть в одной из этих трещин. Просто раствориться. Перестать быть».

В комнате было темно. Шторы она никогда не задвигала — в этом районе окна выходили во двор, где даже в пол-

день царил серый полумрак. Сейчас, ранним утром, свет едва пробивался сквозь грязное стекло, освещая комнату тусклым, болезненным светом, в котором всё выглядело плоским и бесцветным. Она слышала, как за стеной кашляет соседский ребёнок — тот самый мальчик, который каждую ночь плакал, потому что у него болели уши, а у родителей не было денег на хорошего врача. Кристина иногда думала о нём. О том, как он растёт в этом сером мире, где даже воздух казался тяжёлым. И представляла, что он тоже мечтает сбежать.

На кухне гремела посудой мать. Ирина всегда вставала раньше, всегда уходила на работу, всегда оставляла на холодильнике записку. Кристина слышала, как звякнула чашка, как зашипел чайник, как мать тихо, почти беззвучно напевала что-то — какую-то старую песню, которую Кристина слышала сотни раз. Она не знала, откуда мать знает эту песню. Может быть, из своего детства. Может быть, из тех времён, когда она ещё мечтала стать пианисткой, до того, как её собственные мечты разбились о реальность.

Кристина села на кровати, свесила ноги на пол. Пол был холодным — старый линолеум с потрескавшимся рисунком, когда-то изображавшим деревянные доски. Она нащупала ступнями тапочки, которые мать купила ей на прошлый Новый год. Дешёвые, пушистые, с каким-то зайцем, который уже потерял один глаз — чёрная пуговица отвалилась, и те-

перь на его месте зияла пустота. Кристина не выбросила тапочки. Она не могла. Потому что мать смотрела на неё тогда с такой надеждой, с таким желанием угодить, что выбросить их было бы предательством. Она носила эти тапочки каждый день, пряча ноги в их искусственный мех, будто это был последний бастион между ней и миром.

Она встала и подошла к зеркалу.

Зеркало было маленьким, потёртым по краям, с мутным пятном в правом верхнем углу, которое невозможно было оттереть. Оно висело на стене, приклеенное на двусторонний скотч, и Кристина боялась, что однажды оно просто упадёт и разобьётся. Она смотрела на своё отражение и видела чужие глаза. Тёмные круги под ними стали почти чёрными — она не спала уже третью ночь подряд. Вернее, спала, но просыпалась каждые два часа, потому что во сне пальцы продолжали играть гаммы, повторяя одни и те же пассажи, и она просыпалась с ощущением, что не отдыхала совсем.

Её лицо было бледным, почти прозрачным, с синеватыми прожилками под кожей. Губы потрескались — она забывала пить воду, когда репетировала до двух ночи. Волосы, длинные, тёмные, она собрала в небрежный пучок — не потому что это было удобно или красиво, а потому что не хотела возиться с ними. Они были слишком тяжёлыми, слишком жи-

выми, слишком... её.

Она смотрела на себя и видела человека, который больше не хочет быть собой.

— Ты гений, — прошептала она своему отражению. — Ты гений, Кристина. Ты лучшая пианистка в Академии. Ты должна радоваться.

Отражение молчало. Оно не улыбалось. Оно смотрело на неё с тем же выражением, с которым она смотрела на записку матери. Смесь страха и усталости. Глаза были пустыми, как выбитые окна в заброшенном доме.

Кристина отвернулась от зеркала. Она не хотела больше смотреть на себя.

Она открыла шкаф. Старый, советский, с дверцами, которые скрипели, будто жаловались на свою старость. Внутри висело несколько вещей — всё дешёвое, но ухоженное. Мать стирала их вручную, потому что стиральная машина сломалась три года назад, и чинить её было не на что. Кристина помнила тот день, когда мать стояла над тазом с мыльной водой, растирая красные от холода руки, и улыбалась: «Ничего, дочка, главное — у тебя всё будет хорошо. У тебя будет другая жизнь».

Кристина провела пальцами по вешалкам и достала платье. Чёрное, простое, без рисунков и украшений. Оно висело на плечиках, которые когда-то были белыми, а теперь пожелтели от времени. Платье было куплено в секонд-хенде, но выглядело дорогим. Настоящий шёлк, или качественная имитация — Кристина не разбиралась. Главное, что оно сидело на ней идеально, как будто было сшито специально для неё. Она помнила, как мать заплатила за него пятьсот рублей. Как они стояли в магазине, и мать смотрела на неё с восхищением: «Ты будешь в нём выступать. Ты будешь в нём побеждать. Это твоё платье для победы».

Кристина смотрела на платье и думала: «А что, если я не выиграю? Что тогда? Что будет с этим платьем? Оно останется висеть в шкафу, напоминая о поражении. И каждый раз, когда я открою этот шкаф, я буду видеть его. И вспоминать этот день».

Она надела платье. Шёлк скользнул по телу, холодный и гладкий. Кристина снова посмотрела в зеркало. Платье сидело безупречно, подчёркивая тонкую талию, длинные руки, хрупкие плечи. Она выглядела как настоящая пианистка. Как та, кого ждут. Как та, кому аплодируют.

Но внутри неё ничего не дрожало. Ни волнения, ни стра-

ха, ни предвкушения. Только пустота. Такая же холодная, как шёлк платья.

Она вышла из комнаты и прошла на кухню.

Квартира была маленькой. Две комнаты, одна из которых принадлежала ей, а вторая — матери. Кухня была крошечной, настолько, что холодильник стоял в прихожей, загораживая проход. На плите стояла кастрюля с остывшей кашей — мать всегда оставляла ей завтрак, даже когда Кристина говорила, что не хочет есть. Она не хотела есть и сейчас, но села за стол и заставила себя проглотить несколько ложек. Каша была безвкусной. Всё в этом мире было безвкусным, когда ты не хочешь жить.

Она увидела записку на холодильнике.

Бумажка, вырванная из старой тетради в клетку, прижатая магнитом в виде красного яблока. Мать писала на таких бумажках всегда — ровным, аккуратным почерком, с наклоном вправо, как учили в школе. Кристина знала этот почерк лучше, чем свой собственный.

«Дочка, завтрак на столе. Сегодня конкурс. Я буду в зале. Ты справишься. Я верю в тебя. Ты моя гордость».

Кристина прочитала её и почувствовала, как грудь сжалась. Не от любви. От тяжести. От ответственности. От страха, что она не оправдает этих ожиданий. Мать писала это искренне. Она действительно верила, что её дочь — лучшая. Что она выиграет. Что она станет великой.

Но Кристина знала: если она проиграет, мать не скажет ей ни слова упрёка. Она просто будет молчать. И это молчание будет хуже любых слов. Потому что в этом молчании будет разочарование. А разочарование матери — это то, что Кристина не могла вынести.

Она убрала записку в карман куртки. Она всегда так делала. Она хранила их все — все записки, которые мать оставляла ей за последние несколько лет. Они лежали в старом конверте под кроватью, рядом с книгами по праву. Кристина никогда не перечитывала их. Но она не могла их выбросить. Это было бы предательством.

Она надела куртку — старую, поношенную, с потёртыми локтями. Взяла рюкзак — такой же старый, с оторванным ремешком, который она пришила вручную. Проверила, что внутри лежат ноты, и вышла из квартиры.

За дверью её встретил запах подъезда — смесь старой краски, сырости и табака. Сосед сверху курил на лестнице,

хотя было запрещено. Кристина прошла мимо него, не поднимая глаз. Она слышала, как он хмыкнул, но ничего не сказал. Она спустилась по лестнице, мимо облупившихся стен, мимо почтовых ящиков, на которых кто-то нацарапал нецензурное слово, мимо велосипеда, который стоял там уже три года и никто его не забирал.

На улице было холодно. Сентябрь в этом городе всегда был хмурым, серым, с запахом дождя и гниющих листьев. Небо было затянуто облаками, и солнце не пробивалось сквозь них. Кристина шла к остановке, вдыхая этот воздух, чувствуя, как он оседает в лёгких тяжестью. Она не любила осень. Осень напоминала ей о том, что всё умирает. Деревья теряют листья, трава становится бурой, дни становятся короче. И мечты тоже умирают. Тихо, незаметно, под шелест дождя.

Автобус был переполненным, как всегда. Люди толкались, дышали друг на друга, говорили по телефону, смеялись. Кристина втиснулась в угол, прижав рюкзак к груди. Она надела наушники. Не включила музыку. Просто закрыла глаза и позволила себе на несколько минут исчезнуть из этого мира. Она слышала только гул мотора и собственное дыхание.

Она думала о том, как выглядит её жизнь со стороны.

Семнадцать лет. Лучшая пианистка Академии искусств. Победы на конкурсах. Хвалебные отзывы преподавателей. Восхищённые взгляды однокурсников. Она должна была быть счастлива. Она должна была чувствовать гордость. Но всё, что она чувствовала, — это усталость. Бесконечная, глубокая, как тёмная вода, которая засасывает тебя на дно, когда ты пытаешься плыть.

Она открыла глаза и посмотрела в окно.

За стеклом мелькали здания, деревья, люди. Обычная жизнь. Женщины с колясками, студенты, старики с продуктами. Они все шли куда-то, они все что-то делали, они все жили. Кристина смотрела на них и чувствовала себя чужой. Она не знала, что значит «жить» по-настоящему. Она знала только, что значит выживать. Выживать на конкурсах. Выживать между репетициями. Выживать под взглядом матери, которая ждала от неё победы.

Она достала из рюкзака книгу.

Старую, потрёпанную, с загнутыми страницами, обложка которой была заклеена скотчем в нескольких местах. «Гражданское право. Общая часть». Кристина купила её на барахолке за сто рублей. Продавщица тогда удивилась: «Зачем тебе это, девочка? Ты же музыкант. У тебя такие краси-

вые пальцы». Кристина не ответила. Она просто заплатила и спрятала книгу в рюкзак. Это был её секрет. Единственный секрет, который никто не знал. Даже мать.

Она открыла книгу на странице, где лежала закладка — старый билет на концерт, на котором она выступала два года назад. Она прочитала несколько строк, пытаясь сосредоточиться, но не поняла ни слова. Мысли были заняты другим. Конкурс. Мать. Максим. Она закрыла книгу и убрала обратно.

Автобус остановился. Кристина вышла.

Академия искусств была величественным зданием. Белые колонны, мраморные ступени, лепнина на фасаде, позолоченные буквы на вывеске. Она смотрела на это здание каждый день уже три года, и каждый раз чувствовала, что не вписывается в него. Слишком бедная. Слишком чужая. Слишком... не из этого мира.

Она поднялась по ступеням, и её дешёвая обувь застучала по мрамору. Внутри было ещё более роскошно. Огромные люстры, картины в золочёных рамах, дорогой паркет, начищенный до блеска. Студенты в дорогой одежде, с дорогими инструментами, с дорогими жизнями. Кристина прошла мимо них, чувствуя на себе взгляды. Она знала, что они думают

о ней. «Вот идёт наша Золушка. Интересно, в каком платье она сегодня? Наверное, опять из секонд-хенда».

Она не знала точно, говорят ли они это вслух, когда она не слышит. Но она догадывалась. И она научилась игнорировать это. Делать вид, что ей всё равно. Даже когда внутри всё сжималось в комок.

Она прошла мимо стенда с фотографиями лучших студентов. Там висели портреты победителей конкурсов, лауреатов премий, гордости академии. В центре, на самом видном месте, — Максим Белозёров.

Кристина остановилась на секунду.

Она смотрела на его лицо — идеальную улыбку, тёмные волосы, дорогой костюм. Он выглядел как статуя. Как картинка с обложки глянцевого журнала. Идеальный. Неприступный. Холодный. Она знала, что под этой улыбкой нет ничего. Ни души, ни тепла, ни чувств. Только пустота. Но почему-то именно он был тем, кому аплодировали. Именно он был тем, кто выигрывал. Именно он был тем, кого все любили.

— Ты ненавидишь его? — прошептала она себе. — Или ты ненавидишь себя за то, что не можешь быть как он?

Она не знала ответа.

Она пошла дальше по коридору.

И почти сразу же наткнулась на них.

Егор и Павел стояли у окна, что-то обсуждая. Егор был высоким, светловолосым, с вечно насмешливой улыбкой, которая не сходила с его лица. Павел — низким, полноватым, с острым умом, который он прятал за дурацкими шутками. Они были друзьями Максима. И они всегда смотрели на Кристину так, будто она была экспонатом в зоопарке.

— Смотри, — сказал Егор, кивнув в её сторону. — Наша Золушка сегодня на конкурс идёт. Интересно, в каком платье? Опять из «Секонд-хенда»?

Павел усмехнулся, но негромко, так, чтобы она не услышала. Или чтобы услышала, но сделала вид, что не слышала. Кристина сжала зубы, но продолжила идти. Она привыкла. Эти подколы были частью её жизни. Она научилась игнорировать их. Но внутри каждый раз что-то закипало.

Она почти прошла мимо, когда услышала шаги за спиной.

Тяжёлые, уверенные, спокойные. Шаги человека, который знает, что весь коридор — его.

И голос — низкий, холодный, с лёгкой насмешкой:

— Оставьте её. У неё конкурс. Пусть провалится красиво, без лишнего шума.

Кристина резко обернулась.

Максим стоял в нескольких шагах от неё. Высокий, в идеально сидящем костюме, с тёмными волосами, уложенными так, будто он только что вышел из салона. Его глаза — холодные серые — смотрели на неё с лёгким презрением. Он не улыбался. Он просто смотрел. Как на насекомое. Как на что-то, что не заслуживает даже его презрения.

Кристина почувствовала, как внутри неё что-то щёлкнуло. Не страх. Не обида. Злость. Горячая, обжигающая злость, которая поднялась откуда-то из глубины.

Она сделала шаг к нему. И сказала — громко, чётко, чтобы слышали все:

— Расслабься, Белозёров. Я провалюсь и без твоей помощи. Но если я выиграю — твои ноты будут висеть в рамке

«Второе место». И это будет красиво.

Максим приподнял бровь. На мгновение в его глазах мелькнуло удивление. Почти интерес. Он смотрел на неё так, будто видел впервые. Как будто до этого момента она была просто фоном, а теперь вдруг стала кем-то, кто способен говорить.

— О, — сказал он тихо. — А ты умеешь говорить. Я думал, ты только играть умеешь. И то — с трудом.

Он усмехнулся — холодно, насмешливо, но не зло. И развернувшись, пошёл дальше по коридору, не оглядываясь. Егор и Павел переглянулись и последовали за ним, бросив на Кристину короткие взгляды.

Кристина осталась стоять на месте.

Её руки дрожали. Не от страха. От ярости. От того, что он смотрел на неё так, будто она была пустым местом. И от того, что она знала — он прав. Она действительно играла с трудом. Потому что не хотела играть вообще.

Она сжала кулаки, сделала глубокий вдох и пошла в подвал.

Подвал был единственным местом в академии, где можно было побыть одной.

Он находился на самом нижнем этаже, куда никто никогда не спускался, потому что там было сыро, темно и пахло плесенью. Старые трубы тянулись вдоль стен, покрытые ржавчиной и пылью. Лампочки под потолком горели тусклым, жёлтым светом, который не столько освещал, сколько создавал иллюзию света. Кристина знала каждый угол этого подвала, каждую трещину в бетонном полу, каждый ржавый вентиль на трубах.

Там стояло пианино.

Старое, расстроенное, с пожелтевшими клавишами, на которых стёрлись все рисунки. Кто-то когда-то принёс его сюда и бросил, потому что оно было никому не нужно. Оно стояло в углу, покрытое слоем пыли, и казалось, что оно давно умерло. Но когда Кристина впервые нашла его, она села за него и сыграла несколько аккордов. И пианино зазвучало. Глухо, с хрипотцой, с фальшивыми нотами. Но зазвучало.

С тех пор это был её уголок. Место, где никто не смотрел на неё, не оценивал, не ждал. Место, где она могла быть собой — даже если собой была пустота.

Она села за пианино. Провела пальцами по клавишам. Они были холодными, как лёд.

Она начала играть.

Шопен. Ноктюрн. Она играла его сотни раз. Тысячи раз. Пальцы сами находили нужные клавиши, тело двигалось по привычке. Но внутри неё ничего не было. Ни эмоций, ни тепла, ни боли. Только пустота. Она играла механически, как машина. Как робот, который повторяет программу, заложенную в него много лет назад.

Она остановилась. Посмотрела на свои руки.

Они лежали на клавишах, длинные, тонкие, с идеальной постановкой — той самой, которую преподаватели называли «даром богов». Пальцы пианистки. Пальцы, которые когда-то вызывали у неё гордость. А теперь — только отвращение.

— Ты играешь как машина, Кристина, — прошептала она.
— И это никому не нужно. Даже тебе.

Она сжала пальцы в кулаки, ударила по клавишам. Диссонанс — резкий, некрасивый, как крик. Она ненавидела эти пальцы. Ненавидела этот инструмент. Ненавидела музыку.

Ненавидела себя за то, что не может остановиться.

Она закрыла лицо руками и почувствовала, как подступили слёзы.

Они пришли не сразу. Сначала — только ком в горле, сухой и колющий. Потом — жжение в глазах. И наконец — слёзы. Тёплые, солёные, они текли по её щекам, оставляя мокрые дорожки. Она не пыталась их остановить. Здесь никто не видел. Здесь можно было плакать.

Она вспомнила, как это началось.

Ей было пять лет. Мать привела её в музыкальную школу, где она работала. Там стоял большой, блестящий рояль, который пах лаком и деревом. Кристина хотела бегать во дворе, рисовать, играть в куклы, как все дети. Но мать посадила её на стул перед роялем и сказала:

— Ты талантлива. Ты должна.

Кристина не знала, что значит «талантлива». Она знала только, что мать смотрела на неё с такой надеждой, с такой верой, что отказаться было невозможно. Она не хотела играть. Но она играла. Потому что мать смотрела на неё так, будто от этого зависела вся её жизнь.

И она продолжала играть. Год за годом. Конкурс за конкурсом. Победа за победой. Она стала лучшей. Она стала гением. Но внутри неё ничего не изменилось. Всё та же пустота. Всё тот же страх. Всё та же усталость.

Она вспомнила, как мать плакала, когда она выиграла свой первый конкурс. Как она обнимала её, как целовала, как говорила: «Ты моя гордость, дочка. Ты сделаешь то, что я не смогла». Кристина тогда не поняла, что значит «то, что я не смогла». Она поняла позже. Поняла, что мать проживает свою жизнь через неё. Что она — не человек, не дочь, а инструмент. Инструмент для исполнения чужой мечты.

Она открыла глаза. Посмотрела на свои руки. Они всё ещё лежали на клавишах, готовые играть.

— Я больше не хочу, — прошептала она. — Я просто хочу... жить.

Но что значит «жить»? Она не знала. Она никогда не жила. Она только играла.

Она посмотрела на часы. Было девять утра. До конкурса оставался час.

Она закрыла пианино и вышла из подвала.

Концертный зал был большим.

Красный бархат, золотая лепнина, сотни мест. Кристина стояла за кулисами и смотрела на сцену. Свет был ярким, почти ослепительным, заливающим всё пространство жёлтым сиянием. Она слышала, как шумит зал, как перешептываются зрители, как преподаватели проверяют списки участников, как настраивают инструменты.

Её сердце билось ровно. Слишком ровно. Как будто оно тоже устало.

Она видела мать.

Ирина сидела в первом ряду. Её руки были сжаты в замок, пальцы побелели от напряжения. Она смотрела на сцену с таким выражением лица, которое Кристина знала слишком хорошо. Страх. Не гордость. Не веру. Страх. «А вдруг она не выиграет? А вдруг она провалится? Что тогда? Что мы будем делать?»

Кристина чувствовала, как этот страх передаётся ей. Как вирус. Он проникал в кровь, поднимался к сердцу, сжимал его стальными тисками. Она пыталась дышать, но воздух ка-

зался слишком плотным.

— Следующая участница — Кристина Никольская!

Голос был громким, чётким, как выстрел.

Кристина вышла на сцену.

Яркий свет ударил в глаза. Она не видела лиц, только размытые силуэты. Но она знала, что все смотрят на неё. Преподаватели, студенты, зрители. Все ждали. Все надеялись. Все верили, что она выиграет. Потому что она всегда выигрывала.

Она села за рояль.

Рояль был идеальным. Блестящим, пахнущим деревом и полировкой, с клавишами из слоновой кости, которые были гладкими и прохладными. Кристина положила руки на клавиши. Они дрожали. Она чувствовала, как каждый мускул в её теле напряжён, как сердце колотится где-то в горле.

Она начала играть.

Первая нота была фальшивой.

Она пыталась собраться, но не могла. Пальцы не слушались. Они дрожали, путали аккорды, сбивались с ритма. Она слышала, как зал шепчется. Где-то смешок. Где-то удивлённый вздох. Она пыталась не обращать внимания, но каждое движение, каждая ошибка отдавалась в ней болью.

Она подняла глаза и увидела Максима. Он сидел в третьем ряду, скрестив руки на груди. Его лицо было непроницаемым, но в глазах — удивление. Он не ожидал такого. Он ожидал, что она будет идеальной. Как всегда. Но она сломалась.

Она снова посмотрела на мать. Ирина сидела неподвижно, как статуя. Её лицо было бледным, а глаза — расширенными от ужаса. Того самого ужаса, который Кристина так боялась увидеть.

Она продолжала играть. Пальцы двигались по привычке, но она уже не слышала себя. Она чувствовала только боль. Боль от того, что она проваливается. Боль от того, что мать смотрит на неё с тем же страхом, с которым смотрела всегда. Боль от того, что она не может остановиться. Не может просто встать и уйти.

Но она встала.

Не закончив.

Она просто встала, развернулась и пошла со сцены, не оглядываясь. За спиной — шум. Гул голосов. Недоумение. Смех. Она не слышала. Она слышала только собственное сердце, которое колотилось где-то в ушах.

За кулисами она упала на колени.

Слёзы текли по её лицу, и она не могла их остановить. Она плакала беззвучно, потому что не хотела, чтобы кто-то услышал. Она чувствовала, как мир рушится. Как надежды матери рушатся. Как её собственная жизнь рушится.

Она не знала, сколько просидела так. Минуту. Десять минут. Вечность.

Голос из динамика объявил следующего участника:

— Максим Белозёров.

Кристина подняла голову.

Она видела, как он выходит на сцену. Его шаги были уверенными, лёгкими, почти танцующими. Он выглядел как король, который знает, что он король. Он поклонился залу —

легко, с достоинством. Он сел на стул, взял скрипку в руки.

И начал играть.

Его игра была идеальной. Безупречной. Техничной. Он владел инструментом так, как будто родился с ним в руках. Зал замер. Ни звука, ни шёпота. Только его музыка.

Но Кристина слышала то, чего не слышали другие.

Пустоту.

Его музыка была как стекло — красивое, прозрачное, холодное. И пустое внутри. Он играл так, будто его душа умерла давно. Он просто нажимал на струны, создавая идеальный звук, за которым ничего не было. Ни боли. Ни радости. Ни жизни.

Она ненавидела его за это.

Он играл идеально, потому что не чувствовал ничего. А она сломалась, потому что чувствовала слишком много. Слишком много страха. Слишком много вины. Слишком много боли.

Он закончил.

Зал взорвался аплодисментами. Кристина слышала, как люди кричат «Браво!», как преподаватели встают со своих мест, как мать её мечты улыбается, как хлопает в ладоши. Она слышала, как он кланяется. Слышала, как зал любит его.

Он выиграл. Он всегда выигрывал.

Максим спустился со сцены и направился к выходу. Он прошёл мимо неё. Заметил её, сидящую на полу у стены. Опустошённую. С мокрыми щеками. Сломленную.

Он остановился.

Они смотрели друг на друга. Молчание. Напряжение. Электричество в воздухе. Кристина смотрела на него снизу вверх, и в её глазах была ненависть. Ненависть к нему за его победу. Ненависть к себе за её поражение.

Максим смотрел на неё сверху вниз. Его лицо было спокойным. Но в глазах — странное выражение. Она не могла его прочесть.

Наконец он заговорил.

Голос его был тихим, но в нём было столько металла, что

Кристина вздрогнула. Он не кричал. Он не повышал голоса. Но каждое слово било, как пощёчина.

— Ты... ты специально, да?

Она посмотрела на него, не понимая. Её губы дрожали.

— Что?

Он шагнул ближе. Она не встала, но на всякий случай отодвинулась подальше к стене, хотя стены уже не было — она упёрлась спиной в бетон. Он склонился над ней. В его серых глазах — не сочувствие. Не жалость. А холодная злость.

— Ты слышала. Ты специально сломалась. Ты проиграла, когда должна была выиграть. Ты лишила меня честной победы.

Она смотрела на него в полном замешательстве. Пыталась понять, что он говорит. Её голос сорвался на шёпот:

— Я... что?

Он наклонился ниже, почти касаясь её лица своим. Холодный взгляд прожигал её. От него пахло дорогим одеколоном и чем-то ещё — деревом, может быть, или старой му-

зыкай. Она слышала его дыхание, ровное и спокойное, в то время как её собственное сбивалось.

— Ты играешь лучше меня. Ты знаешь это. Я знаю это. Все знают это. Я готовился к битве. Я ждал этого дня, чтобы победить тебя по-настоящему, достойно, на равных. Но ты просто сломалась. Ты не стала играть. Ты просто сломалась. И теперь я выиграл, но что это за победа? Фальшивая. Пустая. Как твоя игра сегодня.

Его голос стал ещё тише, но от этого — страшнее. Он говорил медленно, чётко, как будто выплёвывал каждое слово.

— Ты украла у меня победу. Честную победу. Ты сделала меня победителем, который не заслужил этого. Ты — фальшивая нота, Кристина. И теперь эта фальшь — на мне.

Она смотрела на него. Слёзы застыли на её лице. Она не знала, что это было — жестокость или правда. Но каждое слово вонзалось в неё, как нож. Она чувствовала, как внутри неё что-то взорвалось. Боль, ярость, отчаяние — всё смешалось в один ком. Она не могла дышать. Не могла говорить.

Она встала на ноги, шатаясь. Её голос дрожал, но она пыталась говорить твёрдо:

— Ты... ты обвиняешь меня в том, что я провалилась? В том, что я сломалась под этим грузом? Ты хочешь сказать, что это я — фальшивая?

Максим смотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то. Может быть, сожаление. Но он не отвёл взгляд.

— Ты всегда была фальшивой, Кристина. Ты играешь без души. Ты ненавидишь музыку. Это видно по твоим глазам. Ты — гений, который не хочет им быть. Ты просто сдалась. Сдалась передо мной. И это... это оскорбительно.

Он развернулся и ушёл.

Его шаги эхом разнеслись по пустому коридору. Стук подошв по бетонному полу, постепенно затихающий, как отдалённый гром. Кристина осталась одна. Она смотрела ему в спину, и его слова стучали в висках.

«Ты всегда была фальшивой, Кристина».

Она знала, что он прав.

Она знала, что он сказал правду. Самую страшную правду. Но почему-то именно эта правда ранила сильнее, чем провал. Сильнее, чем свист в зале. Сильнее, чем взгляд матери.

Сильнее, чем всё, что она чувствовала за последние годы.

Потому что он увидел её настоящую. Он увидел то, что она прятала ото всех. Он увидел пустоту внутри неё. И он не пожалел её. Он не утешил. Он просто сказал правду.

И эта правда разбила её вдребезги.

Она упала обратно на пол и закрыла лицо руками.

Звук аплодисментов затихал где-то вдалеке. Где-то там, в зале, люди аплодировали ему. Они любили его. Они восхищались им. Они не знали, что его победа была пустой. Что он выиграл не потому, что был лучше, а потому что она сломалась.

Она слышала, как затихают шаги Максима. Как открывается и закрывается дверь. Как зал начинает пустеть.

И она осталась одна.

Одна в этом огромном, пустом коридоре, где пахло пылью и старыми занавесками. Одна со своей болью. Одна со своей правдой.

Она не знала, сколько просидела так. Минуты. Часы. Ей

казалось, что прошла вечность, пока она не услышала шаги. Другие шаги. Мягкие, неуверенные, почти неслышные.

Она подняла голову.

В конце коридора стояла её мать.

Ирина смотрела на неё. В её глазах не было страха. Только боль. Такая же боль, как у Кристины. Она медленно подошла и села рядом с дочерью на холодный пол, не говоря ни слова. Она не обняла её. Не спросила, что случилось. Она просто сидела рядом, и Кристина чувствовала её тепло. Тёплое, родное, единственное, что осталось у неё в этом мире.

— Мама, — прошептала Кристина. — Я не хочу...

Она не договорила.

Мать взяла её за руку и сжала.

— Я знаю, дочка, — сказала она тихо. — Я знаю.

Они сидели на холодном бетонном полу вдвоём.

Кристина слышала шаги матери задолго до того, как увидела её. Сначала — далёкие, торопливые, потом — ближе,

сбивчивые. Она не подняла головы. Не могла. Слезы всё ещё текли по её лицу, и она не хотела, чтобы мать видела её такой. Но мать уже всё видела.

Ирина остановилась в нескольких шагах. Кристина чувствовала её взгляд — тяжёлый, прожигающий. Она ждала, что мать подойдёт, обнимет, скажет что-то утешительное. Вместо этого мать просто стояла и молчала.

— Встань, — сказала она наконец.

Голос её был твёрдым, холодным, без привычной мягкости. Кристина подняла голову и увидела лицо матери — бледное, напряжённое, с плотно сжатыми губами. В глазах не было сочувствия. Только шок. И гнев.

— Мама, я... — начала Кристина.

— Я сказала — встань.

Кристина встала, шатаясь. Ноги не слушались. Она оперлась спиной о стену.

— Ты... ты понимаешь, что ты сделала? — спросила Ирина. Голос её дрожал, но она сдерживалась. — Ты понимаешь, что сегодня на кону была твоя стипендия? Наша жизнь?

Кристина смотрела на мать. Внутри неё всё сжалось. Она хотела сказать правду. Хотела крикнуть: «Я не хочу быть пианисткой! Я хочу быть юристом!» Но слова застряли в горле. Она не могла. Не сейчас. Не после того, как мать смотрела на неё с таким холодом.

— Я не смогла, — прошептала она. — Я просто... я не смогла.

Ирина покачала головой. Её лицо исказилось.

— Ты не смогла? — переспросила она. — Ты не смогла, потому что испугалась? Ты не смогла, потому что подвела меня?

— Нет! Я не хотела...

— Я работала на двух работах! — голос матери повисил, стал резким. — Я не спала ночами, когда ты готовилась к конкурсам! Я отказывала себе во всём, чтобы ты могла заниматься! А ты просто встаёшь и уходишь со сцены?!

Кристина молчала. Она не могла говорить. Она чувствовала, как внутри неё всё сжимается, как боль разрастается, заполняя каждую клетку.

— Ты... ты даже не попыталась, — сказала Ирина, и голос её дрогнул. — Ты просто сдалась. Ты сдалась перед ними. Перед ним.

— Я не хотела, — прошептала Кристина. — Я никогда не хотела.

Но мать не слышала её. Или не захотела слышать.

— Я не могу на тебя смотреть, — сказала Ирина, и её голос стал тихим, почти безжизненным. — Я не могу... я не знаю, как мне теперь смотреть на тебя.

Она развернулась и пошла по коридору.

Кристина смотрела ей в спину. Ей хотелось бежать за ней. Хотелось крикнуть: «Подожди! Я всё объясню!» Но она не могла. Тело не слушалось.

Она упала обратно на пол.

Слёзы текли по её лицу, но она не вытирала их.

Она осталась одна. Совсем одна. Слова матери стучали в висках: «Ты сдалась». «Я не могу на тебя смотреть». «Я не

знаю, как мне теперь смотреть на тебя».

Она знала, что мать не сказала всего. Что она не сказала: «Я люблю тебя». Не сказала: «Всё будет хорошо». Не сказала: «Я понимаю». Мать просто ушла. И оставила её одну.

Кристина сидела на холодном полу, и чувствовала, как мир рушится вокруг неё.

Где-то вдалеке затихали голоса. Зал опустел.

Конкурс закончился.

Но для Кристины ничего не закончилось. Только началось. Началось падение.

Она закрыла глаза и прошептала в пустоту:

— Я больше не могу.

Никто не ответил.

КОНЕЦ ГЛАВЫ 1

ГЛАВА 2: «Тишина»

Она не помнила, как добралась до дома.

Был какой-то автобус, чьи-то руки, чьи-то голоса — всё слилось в одно серое пятно, как акварель, которую размыли водой. Кристина помнила только холод. Холод, который проник внутрь неё, заполнил каждую клетку, каждую вену, каждое воспоминание. Она не чувствовала боли. Только пустоту. И холод.

Она проснулась оттого, что кто-то чихнул за стеной.

Соседский ребёнок. Тот самый мальчик с больными ушами. Кристина слышала, как он кашляет, как мать шикает на него, как он плачет. Она лежала на кровати и смотрела в потолок. Свет пробивался сквозь грязное стекло, серый, тусклый, как её жизнь.

Она не хотела вставать.

Она не хотела двигаться.

Она не хотела чувствовать.

Кристина закрыла глаза и попыталась вспомнить, что было вчера. Конкурс. Сцена. Свет. Фальшивая нота. Свист. Смех. Максим. Его слова: «Ты — фальшивая нота, Кристина».

Она открыла глаза.

Она сидела на кровати, свесив ноги на пол. Тапочки с зайцем были на месте. Заяц всё так же смотрел на неё един-

ственным глазом. Кристина смотрела на него и думала: «Ты тоже потерял что-то важное. Но ты хотя бы не знаешь об этом».

Она подошла к зеркалу.

Отражение было чужим. Опухшее лицо, красные глаза, тёмные круги под ними — они стали ещё глубже, как провалы. Волосы были спутаны, как гнездо. Она выглядела как человек, который не спал несколько дней. Или как человек, который спал, но не отдыхал.

Она коснулась пальцами щеки. Кожа была холодной.

Она вышла в коридор.

В квартире было тихо. Слишком тихо. Кристина прислушалась — ни звука на кухне, ни шагов, ни звона посуды. Мать не гремела чашками, не напевала, не ходила. Было только молчание. Густое, тяжёлое, как одеяло, которое накрыло весь мир.

Кристина прошла на кухню.

На столе стояла тарелка с кашей. Вчерашней. Или сегодняшней — она не знала. Рядом лежала записка. Маленький листок бумаги, вырванный из тетради, с аккуратным почерком, наклонённым вправо.

«Поешь. Ирина».

Кристина смотрела на записку.

Не «дочка». Не «мама». Просто «Ирина». Как будто это была не её мать, а чужая женщина, которая оставила еду для незнакомки.

Она провела пальцем по буквам. Они были ровными, но слишком твёрдыми. Слишком холодными. Мать всегда оставляла записки с теплом: «Дочка», «Я люблю тебя», «Ты моя гордость». Теперь только «Поешь. Ирина».

Кристина села за стол.

Она смотрела на кашу, но не могла есть. Голод был, но он был где-то далеко, за стеной холода, которая отделяла её тело от мира. Она взяла ложку, поднесла ко рту, но не смогла проглотить. Еда была безвкусной. Как всё в её жизни.

Она положила ложку и просто сидела, глядя в стену.

На стене висели старые обои с цветами. Когда-то они были жёлтыми, но выцвели до грязно-бежевого. Кристина рассматривала узор, пытаясь сосредоточиться на чём-то, но мысли всё равно возвращались к вчерашнему дню.

Она вспомнила, как мать смотрела на неё за кулисами. Как она злилась. Как её голос дрожал. Как она сказала: «Ты сдалась. Ты сдалась перед ними. Перед ним». И как она ушла.

Кристина закрыла глаза.

Она не знала, что делать.

В кармане завибрировал телефон. Она достала его — старый, потёртый, с треснувшим экраном. На экране высветилось имя: «Лена».

Кристина смотрела на экран и не решалась ответить. Лена была её подругой. Единственным человеком, который знал её настоящую. Ну, почти настоящую. Лена не знала о книгах

по праву. Она не знала, что Кристина ненавидит музыку. Она думала, что Кристина просто устаёт от конкурсов. Что она переживает из-за травли. Но она не знала правды.

Телефон вибрировал снова.

Кристина нажала «Ответить».

— Кристина? — голос Лены был взволнованным. — Ты в порядке? Я звонила тебе вчера, ты не брала трубку.

Кристина молчала. Она не знала, что сказать.

— Кристина? — повторила Лена. — Ты здесь?

— Я здесь, — сказала Кристина. Голос её звучал глухо, как будто она говорила из-под воды.

— Ну и как прошёл конкурс? — спросила Лена. — Ты, наверное, опять всех порвала, да? Ты же гений.

Кристина закрыла глаза.

— Я провалилась, — сказала она.

На том конце повисла тишина. Лена явно не ожидала такого ответа.

— Что? — переспросила она. — Как провалилась? Ты же лучшая.

— Я встала и ушла со сцены, — сказала Кристина. — Не закончила. Просто ушла.

— Но... почему? — голос Лены стал растерянным. — Ты заболела? Что-то случилось?

— Я просто не могла.

Кристина слышала, как Лена пытается подобрать слова.

— Это не конец света, — сказала она наконец. — Ты же

гений. Ты справишься. Все ошибаются. Ты просто восстановишься, и в следующий раз...

— Лена, — перебила её Кристина. — Я не хочу больше играть.

На том конце снова повисла тишина. Кристина слышала, как Лена дышит, как она пытается осмыслить услышанное.

— Что значит «не хочешь»? — спросила Лена осторожно. — Ты же всегда хотела. Ты же ради этого живёшь.

— Нет, — сказала Кристина, и голос её дрогнул. — Я не хочу. Я никогда не хотела. Это просто... это мамина мечта.

Лена молчала. Кристина знала, что она не понимает. Она не могла понять. Она никогда не видела Кристину такой.

— Кристина, — сказала Лена мягко. — Может быть, мы встретимся? Поговорим? Я могу приехать.

— Нет, — сказала Кристина. — Не надо. Я не готова.

— Хорошо, — сказала Лена. — Я подожду. Но если захочешь поговорить — я здесь.

Кристина сбросила вызов.

Она смотрела на телефон, и внутри неё росла пустота. Она не хотела видеть Лену. Она не хотела видеть никого. Она просто хотела исчезнуть.

Она убрала телефон в карман и пошла в свою комнату.

Под кроватью лежала коробка. Старая, картонная, с потёртыми краями. Кристина вытащила её, открыла. Внутри лежали книги. «Гражданское право», «Уголовный кодекс», «Теория государства и права» — старые, купленные на бара-

холках, потрёпанные, с загнутыми страницами. Она провела пальцами по обложкам. Она хотела открыть их, почитать, успокоиться. Но она не могла.

Если мать увидит, она поймёт. А она не готова к этому.

Кристина закрыла коробку и задвинула её обратно под кровать.

Она легла лицом в подушку и закрыла глаза.

Ей хотелось уснуть. Уснуть и не просыпаться.

Но сон не приходил.

Она всё-таки пошла в академию.

Не потому что хотела. Не потому что была готова. Просто не могла оставаться в квартире, где воздух стал тяжёлым от молчания, где каждая вещь напоминала о том, что она предательница. Мать ушла на работу, не сказав ни слова. Не оставив записки. Просто закрыла дверь. И Кристина осталась одна.

Она надела ту же куртку, тот же рюкзак. Она не смотрела на себя в зеркало — боялась увидеть то, что там было. Она просто вышла из дома и пошла к остановке.

В автобусе она стояла у двери, прижавшись к холодному стеклу. Люди толкались, дышали друг на друга, говорили. Кристина смотрела на их отражения — нечёткие, размытые, как пятна на старой фотографии. Она думала о том, что никто из них не знает, кто она. Что для них она просто ещё одна пассажирка. И это утешало.

Она вышла на своей остановке.

Академия стояла перед ней — величественная, холодная, чужая. Белые колонны, мраморные ступени, золотые буквы на вывеске. Кристина смотрела на неё и чувствовала, как внутри всё сжимается. Она не хотела входить. Но ноги сами несли её вперёд.

Внутри было всё то же. Люстры, картины, дорогой паркет. Студенты толпились в коридорах, смеялись, обсуждали вчерашний конкурс. Кристина слышала обрывки фраз: «...она просто встала и ушла», «...это было позорище», «...я думал, она гений, а она просто сломалась».

Она опустила голову и пошла быстрее.

— Смотрите, а вот и она, — услышала она голос. — Наша звёздочка.

Кто-то усмехнулся. Кто-то фыркнул.

Кристина не поднимала головы. Она просто шла, чувствуя на себе взгляды. Сотни взглядов. Осуждающих, насмешливых, равнодушных. Она привыкла к этому. Но не сегодня. Сегодня каждое слово вонзалось в неё, как игла.

Она дошла до класса и села за свою парту. Внутри было пусто. Все места были заняты, но Кристина сидела одна. Студенты перешёптывались, поглядывая на неё. Она чувствовала их взгляды, но не могла поднять головы.

— Сегодня мы обсудим вчерашний конкурс, — сказал преподаватель.

Он был старым, седым, с острым взглядом, который мог пронзить любого. Он прошёлся по классу, остановился у

доски и посмотрел на Кристину. Нарочно долго. Нарочно пристально.

— Я хочу спросить у одной студентки, — сказал он. — Что случилось на вчерашнем выступлении? Почему лучшая пианистка академии просто встала и ушла?

Кристина молчала. Она смотрела в стол, чувствуя, как щеки заливают краской стыда.

— Никольская, — сказал преподаватель. — Тебя это касается.

Она подняла голову. В глазах преподавателя не было гнева. Только холодное любопытство. Он хотел понять. Или просто унижить.

— Я... не знаю, — сказала Кристина. — Я не справилась.

— Не справилась? — переспросил преподаватель. — Ты не справилась с произведением, которое играла сотни раз?

Кто-то засмеялся в классе. Кристина не видела, кто. Она смотрела только на преподавателя.

— Я просто... — начала она.

— Просто что? — перебил он. — Ты испугалась? Ты была не готова? Ты сдалась?

— Я сдалась, — сказала Кристина, и голос её был тихим. — Я просто сдалась.

На мгновение в классе повисла тишина. Кто-то переглянулся. Кто-то усмехнулся. Кристина чувствовала себя голой.

— Я надеюсь, ты понимаешь, что это не просто провал, — сказал преподаватель холодно. — Это позор. Для тебя. Для

твоей матери. Для академии.

Кристина молчала.

— Сядь, — сказал он. — И подумай над тем, что ты сделала.

Она села, чувствуя себя маленькой и ничтожной. Она смотрела в стол и слышала, как преподаватель говорит о том, что каждый участник должен быть готов к поражению. О том, что слабость — это выбор. О том, что Кристина сделала неправильный выбор.

Она не слушала. Она просто смотрела на свои руки. Длинные пальцы, идеальная постановка. Руки пианистки. Руки, которые предали её.

Она подняла глаза и оглядела класс.

Егор и Павел сидели в углу и перешёптывались. Павел ухмылялся. Егор смотрел на неё с лёгким презрением. Но рядом с ними было пустое место. Место Максима.

Он не пришёл.

Кристина не знала, где он. Не знала, что он думает. Не знала, что он чувствует. Она знала только, что его слова всё ещё звучат в её голове: «Ты — фальшивая нота, Кристина».

Она опустила глаза и больше не смотрела на пустое место. Занятие закончилось.

Кристина вышла из класса, чувствуя на себе взгляды. Она не смотрела по сторонам. Она просто шла, опустив голову, стараясь не сталкиваться с другими студентами. Коридор был длинным и пустым — почти все уже разошлись по сво-

им делам.

Она свернула к лестнице.

И спустилась в подвал.

Там было темно. Тусклые лампочки мерцали, отбрасывая жёлтые пятна света на бетонные стены. Пахло плесенью и пылью. Кристина прошла к пианино — старому, расстроенному, с пожелтевшими клавишами.

Она села за него.

Но не стала играть.

Она просто сидела, положив руки на колени, и смотрела на клавиши. Чёрные и белые. Идеальный порядок. Порядок, который она знала всю свою жизнь. Порядок, который она ненавидела.

Она провела пальцами по одной из клавиш — она была холодной, гладкой, мёртвой. Кристина сжала пальцы в кулак. — Нет, — сказала она вслух.

Голос её прозвучал глухо, как эхо в пустом колодце.

— Нет, — повторила она. — Я не буду.

Она убрала руки от пианино.

Она не хотела играть. Она не могла играть. Она больше не хотела прикасаться к этим проклятым клавишам, которые забрали у неё всё. Детство, радость, свободу, надежду. Всё.

Она поднялась и отошла от пианино.

В углу стоял старый деревянный стул с облупившейся краской. Она села на него, обхватила колени руками и уставилась в стену.

Она думала о том, как выглядит её жизнь сейчас.

Она провалилась на конкурсе. Её мать не разговаривает с ней. Её ненавидят в академии. Она не хочет играть, но не знает, что делать дальше. Она хочет быть юристом, но боится сказать матери.

Она никуда не ходит.

Она чувствовала, как внутри неё нарастает что-то тёмное, тяжёлое, как свинцовое одеяло. Оно окутывало её, сжимало, не давало дышать. Она не могла плакать. Она не могла кричать. Она просто сидела и чувствовала, как мир рушится вокруг неё.

Она просидела в подвале до вечера.

Когда она вышла, за окнами уже стемнело. Холодный ветер ударил в лицо, и она поёжилась. На улице было пусто — только редкие прохожие и гудки машин где-то вдалеке.

Кристина пошла к остановке.

В автобусе было почти пусто. Она села у окна, прислонилась головой к стеклу и закрыла глаза. Она не думала ни о чём. Она просто плыла по течению.

Когда она зашла в квартиру, было тихо.

Мать сидела на кухне за столом. Перед ней стояла остывшая чашка чая. Она не пила. Она просто сидела, глядя в одну точку — на старый ободранный подоконник.

Кристина остановилась в коридоре.

— Мама, — сказала она тихо. — Я...

Мать даже не повернулась.

— Не надо, — сказала Ирина. Голос её был глухим, как у чужого человека. — Я не хочу говорить об этом.

Кристина стояла в коридоре. Она чувствовала, как слова застревают в горле. Она хотела сказать что-то важное. Что-то, что могло изменить всё. Но мать смотрела в стену, и эта стена была между ними — невидимая, но ледяная.

— Мама...

— Я сказала — не надо, — повторила Ирина. Она встала, взяла кружку и поставила её в мойку. — Я устала. Я пойду спать.

Она прошла мимо Кристины, не взглянув на неё. Дверь в её комнату закрылась. Щёлкнул замок.

Кристина осталась стоять в коридоре.

Она смотрела на закрытую дверь и чувствовала, как холод внутри неё становится глубже, как он проникает в самые недра её души и замораживает всё.

Она зашла в свою комнату и закрыла дверь.

В комнате было темно. Она не включила свет. Просто легла на кровать, глядя в потолок с той самой трещиной, похожей на карту неизвестной страны. Она смотрела на неё, и ей казалось, что она медленно исчезает в ней. Становится невидимой. Становится ничем.

Она закрыла глаза.

И почувствовала, как наконец приходит сон — тяжёлый, без сновидений.

Она проснулась оттого, что за окном кто-то играл на

скрипке.

Кристина не сразу поняла, что это не сон. Звук был тихим, почти невесомым, как будто его приносил ветер из другого мира. Она лежала неподвижно, слушая, как музыка просачивается сквозь стены, сквозь стекло, сквозь её собственное тело.

Это была не та музыка, к которой она привыкла. Не идеальная, не техничная, не безупречная, как у Максима. Эта музыка была другой. Живой. Тёплой. Она была похожа на чей-то голос — негромкий, чуть хриплый, но такой настоящий, что от него хотелось плакать.

Кристина села на кровати.

За окном было темно. Город спал. Только редкие фонари освещали двор, отбрасывая жёлтые круги на мокрый асфальт. Она не знала, откуда доносится звук. Может быть, из соседнего дома. Может быть, с улицы. Может быть, из её собственной головы.

Она вышла на кухню.

Там было темно и тихо. Мать спала — или делала вид, что спит. Кристина не стала заходить в её комнату. Она просто села на подоконник, прижавшись лбом к холодному стеклу, и стала слушать.

Скрипка пела о чём-то грустном, о чём-то далёком. О чём-то, что Кристина чувствовала, но не могла назвать. О боли. О потере. О том, как трудно быть собой, когда весь мир говорит тебе, что ты должен быть другим.

Она закрыла глаза.

Слёзы текли по её щекам — тихо, беззвучно, без рыданий. Она не вытирала их. Она просто сидела и слушала.

Музыка была такой, какой она хотела бы играть. Не для победы. Не для матери. Не для академии. Просто для себя. Просто чтобы дышать.

Но она не могла. Она никогда не умела. Она была фальшивой нотой, как сказал Максим.

Когда музыка затихла, Кристина открыла глаза.

В окне отражалось её лицо — бледное, с мокрыми дорожками от слёз. Она смотрела на себя и не узнавала. Кто эта девушка? Что она делает здесь? Почему она не уходит?

Она прошептала в тишину:

— Почему я не могу играть так? Почему я не могу чувствовать?

Вопрос повис в воздухе, оставшись без ответа.

Где-то вдалеке залаяла собака. Зашумел проезжающий автомобиль. Город жил своей жизнью, не обращая внимания на неё.

Кристина осталась сидеть на подоконнике до утра.

Когда первые лучи солнца пробились сквозь облака, она поняла одну вещь. Только одну.

Она не знала, что будет дальше.

Она не знала, как сказать матери правду.

Она не знала, сможет ли когда-нибудь играть снова.

Но она знала, что больше не хочет быть фальшивой. Даже

если для этого ей придётся потерять всё.

Она встала с подоконника, вытерла слёзы и пошла в свою комнату.

Впереди был новый день.

И она понятия не имела, что он принесёт.

КОНЕЦ ГЛАВЫ 2

ГЛАВА 3: «Пустота»

Она проснулась оттого, что за окном кто-то кричал.

Пьяный голос, хриплый, злой, ругался на кого-то во дворе. Кристина лежала с открытыми глазами, слушая, как мат смешивается с лаем собак и шумом проезжающих машин. Она не знала, который час — телефон разрядился ещё вчера, а заряжать его не было сил.

Она смотрела в потолок.

Трещина всё так же тянулась по побеленной поверхности, напоминая карту страны, в которой она никогда не была. Кристина смотрела на неё и думала: «Если бы я могла просто исчезнуть в одной из этих трещин. Перестать быть. Перестать чувствовать».

Она лежала так долго, пока солнечный свет не начал пробиваться сквозь грязное стекло. Она слышала, как за стеной ходит мать. Шаги были тихими, почти беззвучными, но Кристина знала каждое движение Ирины — как она ставит чайник, как открывает холодильник, как звякает ложкой о кружку. Всё было таким же, как всегда. И одновременно — совершенно другим.

Мать не напевала.

Мать не говорила ни слова.

Мать просто делала свои дела, как машина, и уходила на работу, не взглянув на дверь Кристины.

Кристина слышала, как хлопнула входная дверь. Тишина. Снова одна.

Она села на кровати, свесив ноги на пол. Тапочки с зайцем были на месте. Заяц смотрел на неё пустым глазом. Кристина смотрела на него и думала: «Ты тоже потерял что-то важное. Но ты хотя бы не знаешь об этом».

Она встала и подошла к зеркалу. Опухшее лицо, красные глаза, волосы, похожие на гнездо. Она выглядела как человек, который не живёт, а просто существует. Она провела пальцами по щеке, чувствуя холодную кожу.

— Я просто переживу этот день, — прошептала она. — И следующий. И ещё один. Просто не думать.

Она оделась, взяла рюкзак и вышла из квартиры.

В автобусе она стояла у окна, смотрела на проплывающие мимо улицы. Люди, машины, дома — всё мелькало, сливалось в одно серое пятно. Она чувствовала себя чужой в этом мире. Слишком чужой.

Она вышла из автобуса и пошла к академии.

Здание стояло перед ней, величественное и холодное, как всегда. Белые колонны, мраморные ступени — она смотрела на них и не чувствовала ничего. Ни страха, ни трепета, ни ненависти. Только пустоту.

Она вошла внутрь.

В коридорах было шумно, как всегда. Студенты смеялись, обсуждали что-то. Кристина шла, опустив голову, стараясь не встречаться ни с кем взглядом.

— Смотрите, — услышала она чей-то голос. — Наша звёздочка вернулась.

— И как ты? — другой голос, насмешливый. — Ещё не сломалась окончательно?

Кристина не поднимала головы. Она просто шла, чувствуя, как эти слова впиваются в спину, как иглы. Она не могла остановиться. Она просто шла.

Она почти дошла до класса, когда услышала шаги — уверенные, тяжёлые. Она подняла голову. Навстречу ей шёл Максим.

Он выглядел иначе, чем обычно. Не таким надменным. Его лицо было бледным, под глазами залегли тени, будто он тоже не спал ночами. Он шёл, не глядя на неё, и хотел пройти мимо.

Но Кристина остановилась.

Ей хотелось сказать что-то. Сделать ему больно, как он сделал ей. Но слова застряли в горле.

Максим тоже остановился. Он не повернулся к ней, но замер на мгновение.

— Что? — вырвалось у Кристины. — Скажешь что-то ещё? Что я фальшивая? Что я украла у тебя победу?

Он повернулся. В его глазах не было насмешки. Только усталость.

— Ты выглядишь хуже, чем я думал, — сказал он тихо.

Кристина сжала кулаки. Ей хотелось ударить его, закричать, сделать ему больно. Но она сдержалась.

— Зато я не сплю по ночам, потому что моя победа ничего не стоит, — ответила она холодно. — Ты хоть понимаешь, что ты выиграл только потому, что я сломалась? Ты не победил, Белозёров. Ты просто оказался рядом, когда я упала.

Максим смотрел на неё. Его лицо оставалось непроницаемым, но в глазах мелькнуло что-то — боль? Сожаление? Или просто раздражение?

— Ты думаешь, мне легко? — сказал он, и голос его стал жёстче. — Ты думаешь, я хотел этой победы? Я готовился к битве, а получил... это.

Он махнул рукой, словно отмахиваясь от чего-то.

— Ты просто сдалась, Кристина. И оставила меня одного на сцене с этой пустой победой.

Она смотрела на него, и внутри неё закипала злость. Она не знала, что он чувствует. Она знала только одно: он не понимает её.

— Ты ничего не знаешь, — сказала она. — Ты не знаешь, что значит не хотеть того, что ты делаешь. Ты не знаешь, что значит играть, когда внутри пустота. Ты просто робот, который умеет нажимать на струны. И тебе никогда не понять, что такое быть сломленной.

Она развернулась и пошла прочь, оставляя его стоять в коридоре. Она не видела его лица, но слышала, как он тяжело выдохнул.

— Иди, — сказал он тихо, почти шёпотом. — Иди и прячься в своём подвале.

Она не обернулась. Она просто шла, сжимая кулаки так сильно, что ногти впивались в ладони.

Она не пошла на занятия. Вместо этого она свернула в коридор, который вёл к лестнице в подвал. Ноги сами несли её туда, где было темно, сыро и тихо. Где никто не смотрел на неё, не осуждал, не ждал.

Она спустилась по бетонным ступеням, и её шаги эхом разносились по пустому пространству. Лампочка под потолком мерцала, отбрасывая жёлтые пятна света на стены, покрытые паутиной. В воздухе пахло плесенью и старой древесиной.

Она подошла к пианино.

Оно стояло в углу, как всегда, старое, расстроенное, с пожелтевшими клавишами. Кристина села за него, положила руки на колени и смотрела на чёрно-белые клавиши. Она хотела играть. Она должна была играть. Но пальцы не шевелились.

Она попыталась поднять руки — и не смогла. Они были тяжелыми, как свинец. Она сжала их в кулаки, ударила по клавишам. Диссонанс — резкий, некрасивый, как крик. Она ударила снова. И снова. Звуки разносились по подвалу, рваные, злые, бессмысленные.

Она остановилась и уткнулась лбом в пианино.

— Почему я не могу, — прошептала она. — Почему я не могу...

Она не договорила. Слезы подступили к глазам, но она

не давала им упасть. Она не хотела плакать. Она уже устала плакать.

Сзади слышались шаги. Лёгкие, но уверенные. Кто-то спускался в подвал.

Кристина резко обернулась, готовая прогнать любого, кто посмел вторгнуться в её убежище.

— Что тебе здесь надо? — выкрикнула она, не глядя на того, кто стоял в проёме двери.

— Извини, я не хотел тебя напугать, — раздался спокойный голос. — Я просто услышал звуки.

Она узнала его — тот самый парень, которого видела в коридоре. Он стоял у входа, высокий, с взъерошенными светлыми волосами, в потёртой джинсовой куртке. В руках он держал наушники, которые висели у него на шее.

— Уходи, — сказала Кристина резко. — Я хочу побыть одна.

Он не двинулся с места. Он смотрел на неё с каким-то странным выражением — не насмешливым, не осуждающим. Скорее внимательным.

— Я не хочу тебя беспокоить, — сказал он. — Но я слышал тебя на конкурсе. До того, как ты ушла.

Кристина замерла. Её руки, всё ещё сжатые в кулаки, медленно разжались.

— Что? — переспросила она.

— Я был там. Помогал записывать выступления. У нас была практика — я учусь на звукорежиссёрском факультете,

— он говорил спокойно, без навязчивости, но с настойчивостью. — Я слышал твою игру. Первые несколько секунд, до того как ты... до того как ты сломалась. Это было что-то особенное.

Кристина смотрела на него, не веря своим ушам. Ей казалось, что он говорит о ком-то другом. О ком-то, кого она не знала.

— Ты ошибаешься, — сказала она. — Ты слышал не меня. Я играла фальшиво. Я вообще не умею играть.

— Ты умеешь, — сказал он твёрдо. — Я слышал. Я не знаю, что с тобой случилось потом, но в те первые секунды ты играла так, что у меня мурашки по коже побежали. Это была настоящая музыка.

Она хотела прогнать его. Хотела сказать, что он ничего не понимает, что он чужой, что он не имеет права вторгаться в её жизнь. Но слова застряли в горле.

— Ты кто? — спросила она наконец.

— Денис, — сказал он, и на его губах мелькнула лёгкая улыбка. — Студент звукорежиссёрского факультета.

— А я Кристина, — сказала она, и в её голосе всё ещё звучала злость. — Но ты уже знаешь, да? Все знают. Сломленная гениальная пианистка, которая развалилась на глазах у всего зала.

— Я знаю, что ты сломалась, — сказал он. — Но я также знаю, что ты можешь собраться. Я слышал, как ты играешь. Это не может просто так исчезнуть.

Кристина смотрела на него, и внутри неё боролись два чувства. Желание прогнать его — и странное желание верить.

— Зачем ты мне это говоришь? — спросила она. — Ты даже не знаешь меня.

— Может быть, я просто хочу, чтобы ты знала: кто-то слышал тебя настоящую, — сказал он. — И это стоило того.

Он развернулся и пошёл к выходу, но на лестнице остановился.

— Если захочешь поговорить — я часто бываю в звуковой будке на втором этаже. Наши лабораторные там проходят, — сказал он. — Буду рад помочь. Если тебе это нужно.

Он ушёл, оставив её одну в тусклом свете подвала.

Кристина смотрела на пустой дверной проём и чувствовала, как внутри неё что-то дрожит. Не пустота. Не холод. Что-то другое. Словно маленький огонёк, который начинал разгораться, несмотря на всё.

Она вышла из подвала, чувствуя странную тяжесть в груди.

Слова Дениса всё ещё звучали в её голове: «Я слышал тебя настоящую. Это было что-то особенное». Она не знала, верить ли ему. Она не знала, почему он вообще подошёл к ней. Но что-то в его голосе, в его спокойной настойчивости заставляло её думать о том, что она пыталась забыть.

Она вышла из академии и пошла домой.

Улицы были серыми, как всегда. Ветер срывал последние

листья с деревьев, кружил их в воздухе, бросал под ноги. Кристина шла, не глядя по сторонам, и думала о том, что сказал ей этот странный парень. «Ты можешь собраться». Он не знал её. Он не знал, что она чувствует. Но почему-то его слова застревали внутри, как заноза.

Она открыла дверь квартиры.

Внутри было темно и тихо. Мать ещё не вернулась с работы. Кристина сняла куртку, повесила её на вешалку и прошла в свою комнату. Она села на кровать и уставилась в стену.

Внутри неё было пусто. Снова.

Она лежала на кровати, глядя в потолок, и не знала, что делать. Она не хотела играть. Она не хотела думать о музыке. Она просто хотела исчезнуть.

Она посмотрела под кровать.

Там, в старой картонной коробке, лежали книги по праву. Кристина знала, что они там. Она чувствовала их присутствие, как что-то тёплое, что-то, что принадлежало только ей. Она хотела открыть коробку, достать книгу, почитать. Но она боялась. Боялась, что если прикоснётся к ним, то окончательно признает, что музыка не её. Что она никогда не будет пианисткой.

Она так и не решилась.

Она просто лежала и смотрела в потолок.

Когда мать вернулась, Кристина услышала, как хлопнула входная дверь. Она не встала. Она просто лежала, слушая

шаги матери по коридору, звуки, которые она издавала на кухне.

Она хотела пойти к ней. Хотела сказать что-то. Но не знала, что.

Через час она услышала, как мать села за стол. Кристина встала и вышла на кухню.

Ирина сидела за столом, сложив руки перед собой. Перед ней стояла чашка чая, который уже давно остыл. Она не пила. Она просто сидела, глядя в стену.

— Мама, — сказала Кристина тихо. — Мы должны поговорить.

Ирина не повернулась.

— О чём нам говорить, Кристина? — спросила она, и голос её был холодным, безжизненным.

Кристина села напротив. Она смотрела на мать, на её лицо, которое было бледным и уставшим, на глаза, в которых не было тепла.

— Я хочу сказать тебе кое-что, — начала Кристина. — Я знаю, что ты злишься на меня. И ты имеешь право злиться. Но я... я хочу, чтобы ты знала...

— Что ты хочешь, чтобы я знала? — перебила её мать, и в голосе её появилась резкость. — Что ты не хочешь быть пианисткой? Что я зря потратила всю свою жизнь на твоё обучение?

Кристина замерла. Слова застряли в горле.

— Мама, я не...

— Не надо, — сказала Ирина. — Я не хочу слышать это сейчас. Я устала. Я не хочу говорить об этом.

Она встала, взяла чашку и поставила её в мойку. Кристина видела, как дрожат её руки.

— Я пойду спать, — сказала Ирина и вышла из кухни.

Дверь в её комнату закрылась. Щёлкнул замок.

Кристина осталась сидеть за столом одна.

Она смотрела на пустую чашку в мойке и чувствовала, как внутри неё разрастается пустота. Ей хотелось крикнуть, хотелось разбить что-то, хотелось, чтобы мать поняла её. Но она не могла. Она просто сидела, глядя в стену.

Она вернулась в свою комнату и закрыла дверь.

Она села на кровать, обхватив колени руками, и уставилась в одну точку. Она думала о том, что сказала мать: «Я не хочу говорить об этом». Она думала о том, что хотела сказать: «Я хочу быть юристом». Но слова не вышли. Они застряли в горле, как осколки стекла.

Она смотрела на коробку под кроватью. Книги по праву. Её тайная мечта. Её убежище.

Она медленно встала, опустилась на колени и вытащила коробку. Открыла крышку. Сверху лежала старая, потрёпанная книга «Гражданское право. Общая часть». Она провела пальцами по обложке, чувствуя шероховатость бумаги.

Она хотела открыть её. Хотела прочитать хоть одну страницу. Хотела почувствовать, что у неё есть что-то, что принадлежит только ей.

Но она закрыла коробку и задвинула её обратно под кровать.

Она не могла. Не сейчас.

Ночью она не могла уснуть.

Она лежала на кровати, глядя в потолок, и слушала тишину. Где-то вдалеке шумели машины, кто-то разговаривал за стеной, но все эти звуки были далёкими, как будто доносились из другого мира.

Она думала о матери. О том, как она смотрела на неё с холодом. О том, как она не дала ей сказать. О том, что она хотела сказать: «Я хочу быть юристом. Я хочу жить своей жизнью». Но слова так и остались внутри, как камни в горле.

Она думала о Денисе. О том, как он сказал, что слышал её настоящую. Она не знала, верить ли ему. Но его слова застряли внутри, как заноза.

Она думала о Максиме. О том, что он сказал: «Ты просто сдалась». Она знала, что он прав. Она сдалась. Но почему-то именно его слова ранили больше всего.

Она села на кровати.

Она не знала, куда идти. Не знала, зачем. Но ей нужно было выйти. Ей нужно было дышать.

Она надела куртку, взяла ключи и вышла из квартиры.

Ночь была холодной. Ветер дул с такой силой, что срывал листья с деревьев и бросал их в лицо. Кристина шла по пустым улицам, не зная, куда идёт.

Её ноги сами принесли её к академии.

Она остановилась у входа, глядя на тёмное здание, которое высилось перед ней, как огромный монолит. Окна были тёмными, только в одном из них горел свет — на втором этаже, где находилась звуковая будка.

Она не знала, кто там. Может быть, Денис. Может быть, кто-то другой. Она не хотела идти туда. Она просто стояла.

Она услышала шаги за спиной.

Она обернулась. Максим стоял в нескольких шагах от неё, без куртки, в одной рубашке. Его лицо было бледным, волосы растрёпанными, как будто он тоже не спал.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он. В его голосе не было тепла. Только усталость и раздражение.

— Я могла бы спросить тебя о том же, — ответила она.

Он подошёл ближе, остановился напротив неё.

— Я не спал, — сказал он. — Не мог. Думал о том, что ты сказала.

— О чём именно?

— О том, что я робот, — сказал он, и в его голосе проскользнула горечь. — Что я ничего не чувствую. Что я просто нажимаю на струны.

Она смотрела на него. Он выглядел злым, но в этой злости было что-то другое. Что-то похожее на боль.

— А ты не робот? — спросила она. — Разве ты не играешь идеально, потому что тебя научили не чувствовать?

Он усмехнулся — коротко, без тепла.

— Ты считаешь, что знаешь меня? Что ты знаешь, что я

чувствую, когда играю? — он шагнул к ней, оказался совсем близко. — Ты думаешь, я хочу быть таким? Ты думаешь, я хочу просыпаться каждое утро и чувствовать только пустоту?

— Откуда мне знать, что ты чувствуешь? — сказала она, и голос её дрогнул. — Ты никогда не показывал ничего, кроме холода.

Он смотрел на неё долго, не отрываясь. Его глаза были серыми, холодными, но в них было что-то, что она раньше не видела.

— А ты? — спросил он. — Ты показывала что-то, кроме страха?

Она молчала. Она не знала, что сказать.

— Ты думаешь, я не вижу, — продолжал он. — Я вижу, как ты прячешься. Как ты боишься. Ты боишься играть, боишься чувствовать, боишься жить. И ты называешь меня роботом?

Она смотрела на него, и внутри неё закипала злость. Он был прав. Но она не хотела признавать это.

— А ты? — сказала она. — Ты не боишься? Ты не боишься, что если перестанешь быть идеальным, то перестанешь существовать?

Он замер. Его лицо изменилось на мгновение — она увидела его уязвимость. Но он быстро справился с собой.

— Может быть, я боюсь, — сказал он тихо. — Но я не прячусь от этого. Я всё равно играю.

— Я тоже играла, — сказала она. — Я играла всю жизнь. Но это не моя музыка. Это мамина. Я никогда не хотела этого.

Он смотрел на неё. В его глазах было что-то странное. Не сочувствие, не насмешка, а что-то другое. Понимание.

— Тогда что ты хочешь? — спросил он.

Она не ответила. Она не знала ответа.

Он смотрел на неё долго, а потом развернулся и пошёл прочь.

— Максим, — окликнула она. — Почему ты здесь? Сейчас? Ночью?

Он остановился, но не обернулся.

— Потому что я тоже не могу спать, — сказал он. — Потому что я не знаю, что делать со своей жизнью.

Он ушёл. Она осталась стоять перед академией, глядя ему в спину.

Ветер шумел в ветвях деревьев, срывая последние листья. Где-то вдалеке залаяла собака.

Кристина стояла одна и смотрела в тёмное небо.

Она не знала, что это было — примирение или начало новой войны. Но впервые она чувствовала, что они не так уж и разные.

Она развернулась и пошла домой

КОНЕЦ ГЛАВЫ 3

ГЛАВА 4: «Чужие»

Дождь не прекращался.

Она проснулась оттого, что капли били по стеклу — громко, настойчиво, как чьи-то пальцы, стучащие в дверь. Кристина лежала неподвижно, глядя в потолок, и слушала этот звук. Он был единственным, что нарушало тишину в квартире.

Она не знала, сколько времени прошло с тех пор, как она закрыла глаза. Может быть, час. Может быть, несколько. Она не спала — просто лежала, чувствуя, как тяжесть в груди становится всё плотнее, всё невыносимее.

Она вспомнила вчерашний разговор с матерью. То, как она хотела сказать о юриспруденции, и то, как мать оборвала её. «Я не хочу говорить об этом». Эти слова всё ещё звучали в голове, как эхо, как удар.

Она хотела объяснить, хотела, чтобы мать поняла. Но мать не дала ей шанса. Она просто встала и ушла.

Кристина сжала зубы.

Она смотрела на подоконник, где лежала записка. «По-ешь. Ирина». Подпись была холодной, как и вчера, как и позавчера. Кристина взяла листок в руки, провела пальцами по буквам. Они были такими же твёрдыми, как взгляд матери.

Она убрала записку в карман куртки — туда, где лежали все остальные. Она всё ещё не могла выбросить их. Не могла.

Она посмотрела под кровать. Коробка с книгами по праву стояла на том же месте. Она выглядела так, будто ждала, когда её откроют. Кристина смотрела на неё и чувствовала, как внутри закипает что-то странное. Желание открыть, достать книгу, начать читать. И страх — что если она откроет её, то окончательно признает, что музыка — не её. Что она никогда не будет той, кем её хотят видеть.

Она закрыла глаза и сделала глубокий вдох.

Она не знала, что делать. Но она знала, что должна встать. Должна пойти в академию. Должна хотя бы попытаться.

Она вышла из дома, и дождь всё ещё лил.

Крупные капли били по лицу, смешиваясь со слезами, которых она не замечала. Кристина стояла на остановке, чувствуя, как ветер пронизывает её, как холод проникает под кожу.

Автобус пришёл через десять минут. Она села у окна, прижалась лбом к холодному стеклу и смотрела, как город проплывает мимо.

Она думала о том, что сказала мать. «Я не хочу говорить об этом». Она думала о том, что хотела сказать. «Я хочу быть юристом». Но слова так и остались внутри.

Она достала из рюкзака книгу по праву. Старую, потрёпанную, с загнутыми страницами. Она открыла её наугад и начала читать.

Слова ложились в голове ровно, успокаивающе, как тёплый чай в холодный день. Она читала о правах, о законах, о

том, как люди защищают друг друга. И в этом мире, где всё было чётко и ясно, она чувствовала себя на своём месте.

Она закрыла книгу и убрала в рюкзак.

В академии было шумно, как всегда.

Студенты смеялись, обсуждали что-то, бегали по коридорам. Кристина шла, опустив голову, стараясь не встречаться ни с кем взглядом.

Она уже собиралась свернуть в класс, когда кто-то коснулся её плеча.

— Кристина!

Она обернулась. Перед ней стоял Денис. Его лицо было встревоженным, но глаза улыбались. Он смотрел на неё с той же тёплой, открытой улыбкой, которая удивила её при первой встрече.

— Ты выглядишь так, будто не спала неделю, — сказал он.

— Я не спала, — ответила она.

Она хотела пройти мимо. Она не была готова разговаривать. С ним. С кем угодно.

— Подожди, — сказал он, мягко, но настойчиво. — Ты должна кое-что услышать. Пойдём со мной.

— Я не хочу, — сказала она.

— Я знаю, — сказал он. — Но пойдём.

Она смотрела на него, и внутри неё боролись два желания. Уйти — и остаться. Она не знала, почему, но что-то в его голосе заставило её подчиниться.

— Что ты хочешь показать? — спросила она.

— Ты увидишь, — сказал он.

Она пошла за ним.

Он привёл её на второй этаж, в звуковую будку. Кристина уже была здесь — в прошлый раз, когда он показывал ей запись. Но тогда она была слишком сломлена, чтобы запомнить детали.

Сейчас она увидела комнату по-новому. Тесную, но уютную, с аппаратурой, наушниками, микрофонами. В углу лежала потрёпанная гитара, на столе стояла кружка с остывшим чаем.

— Что это? — спросила она.

— Наша лаборатория, — сказал он. — Студенты звукорежиссёрского работают здесь. Я здесь часто сижу.

Он кивнул на кресло.

— Садись.

Она села, чувствуя себя неудобно. Денис надел ей на голову наушники.

— Я хочу, чтобы ты кое-что услышала, — сказал он.

— Нет, — сказала она, пытаясь снять их. — Я не хочу.

— Подожди, — сказал он, придерживая её руку. — Ты не должна ничего делать. Просто послушай. Если захочешь — выключишь.

Она замерла. Что-то в его голосе заставило её остановиться.

Он включил запись.

Сначала Кристина слышала шум — гул зала, шепот зри-

телей, движение воздуха. Потом — звук открывающегося рояля. И затем — музыку.

Она узнала её сразу.

Это была она. Её игра. На конкурсе. До того, как она сломалась.

Она слышала свои пальцы, скользящие по клавишам. Слышала, как они извлекают звук — чистый, тёплый, полный жизни. Она не узнавала себя. Это была не та Кристина, которая сидела сейчас в этой комнате. Это была другая девушка — та, которая ещё верила. Та, которая ещё чувствовала.

Она сняла наушники. Её руки дрожали.

— Как у тебя это? — прошептала она.

— Это моя лабораторная работа, — сказал Денис. — Мы должны были записать конкурс, чтобы потом разбирать ошибки. Я записывал всех участников. Но когда я услышал твою игру... я понял, что это не ошибки. Это жизнь. Ты играла так, будто внутри тебя что-то горело. Я не мог это стереть. Я сохранил.

— Это не я, — сказала она. — Это не я играю.

— Это ты, — сказал он твёрдо. — Я слышал сотни записей. Сотни часов звука. Я знаю, когда что-то настоящее. Это была ты. Ты просто забыла, как звучишь, когда не боишься.

Она смотрела на него, и слёзы подступали к глазам. Она не хотела плакать. Не перед ним. Не перед чужим человеком.

— Зачем ты это делаешь? — спросила она. — Почему те-

бе не всё равно?

Он пожал плечами.

— Потому что я слышал твою музыку. И она была прекрасна. Я не могу позволить ей умереть.

Она не знала, что сказать. Она просто смотрела на него, чувствуя, как внутри неё что-то тает.

Она вышла из звуковой будки, чувствуя странную тяжесть в груди.

Слова Дениса всё ещё звучали в её голове: «Я не могу позволить ей умереть». Она не знала, что с этим делать. Она не знала, как принять это. Но что-то внутри неё, что-то маленькое и хрупкое, начало оживать.

Она не пошла на занятия. Вместо этого она вышла из академии и пошла домой.

Дождь всё ещё шёл, но уже не такой сильный. Капли падали на лицо, смешиваясь со слезами, которые она не могла сдержать. Она чувствовала, как внутри неё бурлит что-то странное — смесь боли, надежды и страха.

Она открыла дверь квартиры, сняла куртку, повесила на вешалку. Из кухни доносился запах ужина. Она слышала, как мать ходит по кухне, как звякает посудой. Она хотела уйти в свою комнату, но что-то остановило её.

— Садись, — сказала мать, не оборачиваясь.

Кристина замерла. Голос матери звучал ровно, но в нём не было холода. Только усталость.

Кристина прошла на кухню и села за стол.

Мать стояла у плиты, помешивая что-то в кастрюле. Она не поворачивалась. Кристина видела только её спину, напряжённые плечи, руки, которые чуть дрожали.

Она ждала. Минута. Две. Мать молчала.

— Я думала о том, что ты сказала, — сказала Ирина наконец, не поворачиваясь. — О том, что ты хочешь быть юристом.

Кристина затаила дыхание.

Мать поставила кастрюлю на подставку и медленно повернулась. Её лицо было бледным, глаза красными — она плакала. Кристина видела это. Она знала, что мать не хотела показывать свои слёзы, но не смогла сдержать их.

— Я не понимаю этого, — сказала Ирина. — Я не понимаю, как можно отказаться от такого дара. Я не понимаю, как можно выбросить то, что дано тебе от рождения.

Кристина молчала. Она чувствовала, как слова застревают в горле.

— Но я... — мать замолчала, собираясь с мыслями. — Я не хочу тебя терять. Я не хочу, чтобы ты уходила из дома и не возвращалась. Я не хочу, чтобы мы были чужими людьми в одной квартире.

Она замолчала. В комнате повисла тишина. Кристина слышала, как стучит её сердце.

— Я всю жизнь боялась, что ты повторишь мою судьбу, — продолжала Ирина, и голос её дрогнул. — Что ты останешься ни с чем. Что у тебя не будет будущего. Я хотела, чтобы у

тебя была жизнь, о которой я могла только мечтать.

Она замолчала, вытирая слёзы тыльной стороной ладони.

— А ты говоришь мне, что не хочешь этого. Что ты хочешь быть юристом.

Кристина смотрела на неё и не могла говорить. Она видела боль матери, видела, как ей трудно, как она пытается сдержать слёзы.

— Я не знаю, как принять это, — сказала Ирина. — Я не знаю, как жить дальше, зная, что я ошиблась. Что я заставила тебя страдать, думая, что делаю тебя счастливой.

Кристина встала. Она подошла к матери и взяла её за руки. Они были холодными.

— Мама, — сказала она, и голос её сорвался. — Ты не ошиблась. Ты хотела, как лучше. Я знаю это.

— Но я заставила тебя играть, — сказала Ирина. — Я заставила тебя жить моей мечтой.

— Я не хочу, чтобы ты винила себя, — сказала Кристина. — Я просто хочу, чтобы ты поняла: я не могу быть пианисткой. Это не моё. Но это не значит, что я не люблю тебя.

Мать смотрела на неё. В её глазах была боль и любовь, смешанные в одно целое.

— Я попытаюсь понять, — сказала она тихо. — Я не обещаю, что у меня получится сразу. Но я попытаюсь.

Кристина обняла её. Они стояли так долго, и в этом объятии было всё — боль, сожаление, надежда.

На следующий день Кристина проснулась с другим чув-

СТВОМ.

Не с пустотой, которая высасывала всё внутри. Не с отчаянием, которое заставляло её хотеть исчезнуть. А с чем-то похожим на тихую надежду, которая ещё боялась выглянуть из-за горизонта, но уже начинала теплиться где-то глубоко, под слоем боли и усталости.

Она открыла глаза и посмотрела в потолок. Трещина всё так же тянулась по побелённой поверхности, но теперь она не казалась ей картой страны, в которой она никогда не будет. Теперь она казалась просто трещиной. Просто старой, неровной линией на старом, облупившемся потолке.

Она встала, умылась, оделась. На кухне её ждала записка — на этот раз мать написала не просто «Ирина», а «Я вернусь поздно. Постарайся поесть. Ирина». Кристина смотрела на эти слова и чувствовала, как внутри разливается тепло. Маленькое, почти незаметное, но оно было.

Она поела. Впервые за несколько дней она чувствовала вкус еды.

В академии было шумно, как всегда.

Студенты толпились в коридорах, обсуждая свои дела. Кристина шла, чувствуя себя немного иначе — не как пустое место, не как призрак. Как человек, который идёт, даже если не знает, куда.

Она не знала, куда идти. Ноги сами принесли её к концертному залу. Она остановилась перед тяжёлыми дверями и прислушалась.

Она зашла в пустой зал, и звук скрипки ударил в неё, как волна.

Максим стоял на сцене, спиной к ней, и играл. Его плечи были напряжены, голова чуть опущена, пальцы летали по струнам, извлекая звуки, которые были полны боли — грубой, неотёсанной, настоящей. Он не знал, что она здесь.

Она стояла у входа, не решаясь двинуться. Она смотрела на его спину, на то, как он сжимает смычок, как его дыхание сбивается, как музыка становится всё громче, всё отчаяннее.

Он не играл для победы. Не играл для публики. Он играл для себя. Для той пустоты, которую носил внутри.

Когда он закончил, он опустил скрипку, и в тишине зала повисло эхо последней ноты. Он медленно повернулся.

Увидел её.

На мгновение его лицо исказилось — гнев, удивление, смущение. Он не ожидал, что кто-то увидит его таким.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он резко, и голос его был холодным, как сталь.

— Я слышала, — сказала она спокойно. — Ты играл.

— Ты всегда подслушиваешь? — он усмехнулся, но в усмешке не было тепла.

— Я не подслушиваю, — сказала она. — Я просто шла мимо.

— Просто шла мимо? — он спустился со сцены, подошёл к ней ближе. — Ты всегда ходишь мимо концертных залов в пустой академии?

Она выдержала его взгляд.

— Ты боишься, — сказала она. — Ты боишься, что кто-то увидит, что ты не просто робот, который умеет играть. Что у тебя есть чувства.

Он усмехнулся, но в его глазах мелькнула боль.

— Ты думаешь, ты единственная, кто может быть сломленной? — спросил он тихо, с вызовом. — Ты думаешь, ты одна страдаешь?

— Я не думаю, что я одна, — ответила она. — Я думаю, что ты тоже боишься.

— Чего я боюсь? — он почти кричал.

— Ты боишься, что если перестанешь быть идеальным, то никто не будет тебя любить. Ты боишься, что за твоей музыкой ничего нет. Ты боишься быть настоящим.

Он смотрел на неё, и в его глазах была ярость. Но он не мог ничего сказать, потому что она была права.

— Ты думаешь, я не знаю этого? — сказал он наконец, и голос его стал тише, но от этого не мягче. — Ты думаешь, я не понимаю, что я — пустота?

Она молчала.

Он смотрел на неё, и в его взгляде была борьба. Он хотел прогнать её, но что-то останавливало его.

— Зачем ты пришла? — спросил он.

— Я не знаю, — сказала она. — Наверное, чтобы увидеть, что я не одна такая.

Он усмехнулся — горько, зло.

— Мы не одинаковые, — сказал он. — Ты сломалась и ушла. Я продолжаю играть, даже когда внутри пустота. Это не одно и то же.

— Может быть, нет, — сказала она. — Но это не значит, что я не понимаю тебя.

Он смотрел на неё долго, внимательно. Она не отводила взгляда. Она не боялась его. Она уже видела его настоящего.

— Иди, — сказал он наконец. — Иди, пока я не сказал что-то, о чём пожалею.

— Ты уже сказал, — сказала она. — Что я фальшивая нота. Ты не можешь сказать ничего хуже.

Она развернулась и пошла к выходу.

— Кристина, — окликнул он.

Она остановилась.

— Спасибо, — сказал он тихо. — За то, что не ушла сразу.

Она не обернулась. Она просто вышла из зала, чувствуя, как внутри неё бьётся что-то странное — не надежда, не любовь, а что-то другое. Понимание.

Она спустилась в подвал.

Ступени были холодными, бетонными. Свет тусклый, жёлтый. Она подошла к пианино и остановилась перед ним.

Она не хотела играть.

Она хотела убежать, спрятаться, забыть. Но что-то внутри неё — то самое, что начало просыпаться сегодня — шептало: «Попробуй. Просто попробуй».

Она села за пианино.

Она смотрела на клавиши. Чёрные и белые, холодные и мёртвые. Она положила руки на колени, сжала их в кулаки, потом разжала. Пальцы дрожали.

— Я не могу, — прошептала она. — Я не могу.

Но она продолжала сидеть.

Сзади слышались шаги. Она не обернулась — знала, кто это.

— Я знал, что ты здесь, — сказал Денис. Он подошёл и сел на старый стул рядом с ней. — Хочешь, я помогу тебе?

— Как ты можешь помочь? — ответила она, и в голосе её прозвучала злость. — Ты не можешь заставить меня играть.

— Я и не буду заставлять, — сказал он. — Я просто попрошу тебя сыграть одну ноту. Одну. Просто коснуться клавиши.

Она повернулась к нему. В его глазах не было осуждения — только спокойное ожидание.

— Ты не понимаешь, — сказала она. — Я не могу. Я пыталась — и у меня ничего не получается.

— Тогда просто сиди, — сказал он. — Сиди и смотри на них. Клавиши никуда не убегут.

Она отвернулась. Снова посмотрела на клавиши.

Она сидела долго. Минуту. Две. Пять. Она чувствовала, как Денис сидит рядом, молчит, ждёт. Не давит. Не говорит пустых слов.

Она подняла руки. Пальцы дрожали. Она коснулась одной клавиши — белой, гладкой, холодной.

Она нажала.

Один звук — чистый, грустный, как вздох.

Она замерла, глядя на свою руку. Пальцы всё ещё лежали на клавише, и она чувствовала вибрацию, которая проходила через них.

— Ещё, — сказал Денис тихо.

Она нажала другую. Потом ещё.

Она не играла мелодию — просто извлекала звуки, один за другим, как будто заново училась говорить. В этом не было искусства. Не было идеальной техники. Но был звук. Живой, настоящий.

Она остановилась, сжала руки в кулаки.

— Это не музыка, — сказала она. — Это просто звуки.

— Это начало, — сказал он. — Это больше, чем было вчера.

Она смотрела на свои руки, и внутри неё что-то оттаивало. Маленький кусочек льда, который она носила в себе годами, начал таять.

Она вернулась домой поздно.

В квартире было темно и тихо. Мать уже спала. Кристина сняла куртку, повесила её на вешалку. Она заметила, что в комнате матери горит слабый свет. Она подошла к двери и прислушалась. Тишина.

Она хотела зайти. Хотела сказать что-то, обнять мать, почувствовать её тепло. Но она не решилась.

Она прошла на кухню.

На столе стояла тарелка с ужином, накрытая крышкой. Рядом — записка. Кристина взяла её в руки. Подпись: «Ирина». Но на этот раз внизу было приписано: «Я люблю тебя».

Она смотрела на эти слова, и слёзы подступали к глазам.

Она села за стол, сняла крышку. Еда ещё была тёплой. Она начала есть, чувствуя, как вкус наполняет её.

Она смотрела в окно. За стеклом была ночь — тёмная, тихая, с редкими огнями далёких домов. Она думала о Денисе, который ждал, пока она сыграет одну ноту. О Максиме, который играл с болью и не хотел, чтобы кто-то видел его настоящего. О матери, которая написала «Я люблю тебя», даже не зная, сможет ли когда-нибудь принять её выбор.

Она не знала, что будет завтра. Не знала, сможет ли снова играть. Не знала, сможет ли стать юристом. Но впервые за долгое время она чувствовала, что не одна в этом мире.

Она доела, помыла посуду и пошла в свою комнату.

Она легла на кровать, глядя в потолок с той самой трещиной. Но теперь она смотрела на неё иначе. Не как на карту страны, в которой она никогда не была, а как на напоминание: даже в трещинах может быть что-то важное.

Она закрыла глаза.

Она не знала, что будет завтра. Но впервые за долгое время она не боялась этого.

КОНЕЦ ГЛАВЫ 4

ГЛАВА 5: «Афиша»

Она проснулась от света.

Не от звука, не от боли, не от тяжести, которая давила на грудь каждое утро. От света. Солнечные лучи пробивались сквозь грязное стекло, ложились на пол золотистыми полосами, и комната, которая всегда казалась ей серой и тесной, вдруг стала другой. Тёплой. Почти уютной.

Кристина лежала неподвижно, глядя в потолок. Трещина всё так же тянулась по побелённой поверхности — старая, знакомая, как шрам, который уже не болит, но всё ещё виден. Она смотрела на неё и думала о вчерашнем дне. О том, как мать сказала: «Я попытаюсь понять». О том, как она сама нажала одну ноту. О том, как Денис сидел рядом и молчал, пока она боялась.

Она не знала, что это было — надежда или просто усталость от отчаяния.

Она медленно села на кровати. За стеной слышались шаги — мать уже встала. Кристина слышала, как открывается холодильник, как звякает чашка, как течёт вода из крана. Эти звуки были такими же, как всегда. Но сегодня в них было что-то другое. Мягче. Как будто стена между ними, та самая, что выросла за эти недели, начала потихоньку таять. Медленно, почти незаметно, но таять.

Она вышла на кухню.

Мать стояла у плиты, помешивая кашу. Она не обернулась, но Кристина видела, как её плечи чуть расслабились, когда она слышала шаги дочери. Как будто она тоже ждала этого момента. Как будто боялась, что Кристина не выйдет из своей комнаты.

— Садись, — сказала Ирина. Голос её был ровным, но не холодным.

Кристина села за стол. На тарелке лежала ложка, рядом стояла чашка с чаем. Пар поднимался над ней, и Кристина чувствовала запах — знакомый, домашний, успокаивающий. На столе, прижатая магнитом в виде красного яблока, лежала записка.

Она взяла её в руки.

Бумага была тёплой от солнечного света. Она развернула листок и увидела знакомый почерк — ровный, с наклоном вправо, чуть дрожащий, как будто рука, которая писала эти слова, боялась ошибиться.

«Дочка, завтрак на столе. Я люблю тебя. Ирина»

Кристина смотрела на эти слова дольше, чем нужно. На подпись. Не просто «Ирина». «Я люблю тебя. Ирина». Мать не перешла на «Мама» — она ещё не была готова. Но она добавила тепло. Маленькое, хрупкое, почти незаметное. Как первый шаг по тонкому льду, когда ты не знаешь, выдержит ли он твой вес.

Кристина чувствовала, как к горлу подступает ком. Она не плакала. Она просто сидела и смотрела на эти слова, чув-

ствуя, как внутри неё что-то оттаивает. Маленький кусочек льда, который она носила в себе годами, начал таять. Медленно, почти болезненно, но таять.

Она убрала записку в карман куртки — туда, где лежали все остальные. Но эту она положила сверху. Отдельно.

Она поела. Вкус был. Она чувствовала его.

Она вышла из дома, и солнце всё ещё светило.

Это было странное ощущение — идти по улице, чувствуя, как лёгкий ветер касается лица, как тёплые лучи пробиваются сквозь облака, как воздух пахнет осенью — сыростью, прелыми листьями, чем-то горьковатым и свежим одновременно. Кристина не помнила, когда в последний раз замечала погоду. Она просто шла, не чувствуя ничего, уткнувшись в свой внутренний мир, который был серым и безнадёжным.

Но сегодня она заметила.

Она заметила, как листья кружатся в воздухе, как ветер играет с ними, как они падают на мокрый асфальт. Она заметила, как женщина с коляской улыбнулась своему ребёнку, как мужчина у остановки поправил шарф, как старушка кормила голубей на скамейке. Она заметила жизнь вокруг себя. Ту самую жизнь, которую она перестала замечать несколько недель назад.

Она села в автобус. Внутри было шумно, люди разговаривали, смеялись. Кто-то слушал музыку в наушниках так громко, что звук разносился по всему салону. Кристина села у окна, прижалась лбом к прохладному стеклу и смотрела на

город, проплывающий за ним.

Она думала о том, что сказала мать. «Я люблю тебя». Она думала о том, что сказал Денис. «Ты можешь собраться». Она думала о том, что сказал Максим. «Ты — фальшивая нота».

Эти слова сталкивались внутри неё, как волны, которые разбивались о берег, не зная, какая из них сильнее. Иногда ей казалось, что слова Максима громче — они звучали в её голове, как эхо в пустом зале. Иногда — слова Дениса, тихие, но настойчивые, как свет в конце тоннеля.

Она достала из рюкзака книгу по праву. Старую, потрёпанную, с обложкой, заклеенной скотчем в нескольких местах. Она провела пальцами по корешку, чувствуя, как бумага шершавит кожу. Она открыла её наугад и начала читать.

Слова ложились в голове ровно, успокаивающе, как тёплый чай в холодный день. Она читала о правах, о законах, о том, как люди защищают друг друга. И в этом мире, где всё было чётко и ясно, она чувствовала себя на своём месте. Не как чужая. Как дома.

Она закрыла книгу и убрала обратно.

Когда она вошла в академию, её встретил привычный шум.

Студенты толпились в коридорах, смеялись, обсуждали что-то. Кто-то бежал по лестнице, чуть не сбив её с ног. Кто-то кричал из конца коридора. Всё было как всегда — шумно, суетливо, по-своему живо. Кристина шла, опустив голо-

ву, стараясь не встречаться ни с кем взглядом.

Она уже собиралась свернуть в свой класс, когда заметила толпу у доски объявлений. Студенты стояли плотно, кто-то перешёптывался, кто-то спорил, кто-то просто смотрел. Кристина остановилась. Она не хотела подходить. Она чувствовала, как внутри неё начинает подниматься страх, знакомый, тягучий, липкий. Но ноги сами понесли её вперёд.

Она пробилась сквозь толпу и увидела афишу.

Крупные буквы, напечатанные на ярко-белой бумаге, выделялись на тёмном фоне доски. Они были жирными, уверенными, как будто сами кричали о своей важности.

«КОНКУРС ДУЭТОВ»

Ниже — мелким шрифтом, но разборчиво: «Главный приз — стипендия в консерваторию. Приём заявок — две недели. Состав дуэта — любой. Музыкальный материал — по выбору участников».

Кристина смотрела на эти слова, и внутри неё что-то дрогнуло.

Сначала — страх. Он пришёл мгновенно, как холодная волна, которая накрыла её с головой, не давая дышать. «Я не смогу. Я не готова. Я не хочу. Я не могу». Она хотела развернуться и уйти. Она хотела убежать из этого коридора, из этой академии, из этой жизни, где всё напоминало ей о том, что она сломалась, что она фальшивая нота, что она никогда не сможет играть снова.

Она почти развернулась.

Но потом — что-то другое. Маленькое, тихое, почти незаметное. Голос, который шептал внутри: «А если попробовать? Ты уже сыграла одну ноту. Ты уже начала. Может быть, это твой шанс. Может быть, ты сможешь».

Она стояла перед афишей, чувствуя, как внутри неё борются два голоса. Один — который говорил, что она никогда не сможет играть снова, что она сломалась, что она никто. Другой — который говорил, что она должна попробовать, что она уже сделала шаг, что она не одна.

— Смотрите, наша звёздочка уже здесь, — услышала она чей-то голос.

Она не обернулась, но узнала голос. Высокий, насмешливый. Одна из студенток, которая всегда смотрела на неё с презрением.

— Думает, что сможет участвовать? — ответил другой голос, циничный. — Она же сломалась. Она даже пальцем не может пошевелить.

— Сломалась? — сказал кто-то третий. — Она никогда не была настоящей. Она просто фальшивка. Всегда была.

Кристина сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Её сердце билось быстрее, и она слышала его стук в ушах. Она не оборачивалась. Она стояла, чувствуя, как их слова впиваются в спину, как иглы.

Она медленно повернулась и посмотрела на них.

Две студентки, которых она не знала. Они смотрели на неё с лёгкой усмешкой, как на экспонат. Одна из них, высокая, с

длинными светлыми волосами, ухмыльнулась. Вторая, низкая, с короткой стрижкой, смотрела с вызовом.

Кристина ничего не сказала. Она просто развернулась и пошла прочь, чувствуя, как их слова впиваются в спину, как иглы.

Она не знала, что делать. Но она знала, что должна идти дальше.

Она не пошла на занятия. Вместо этого она свернула в коридор, который вёл к лестнице на второй этаж. Она сама не знала, зачем идёт туда. Но ноги несли её вперёд, будто знали что-то, чего не знала она.

Дверь в звуковую будку была приоткрыта. Кристина заглянула внутрь. Денис сидел за пультом, наушники свисали с его шеи. Он что-то настраивал, перебирая кнопки, крутя ручки. Его лицо было сосредоточенным, но расслабленным — он явно делал то, что любил.

Она постояла секунду, глядя на него. Он не замечал её. Он был полностью погружён в свою работу, и это выглядело так, будто он занимается чем-то настоящим, важным.

Она хотела уйти. Ей казалось, что она вторгается в чужое пространство, в чужую жизнь. Но что-то остановило её. Может быть, его спокойствие. Может быть, тот факт, что он единственный, кто смотрел на неё без осуждения.

— Денис? — тихо позвала она.

Он обернулся и улыбнулся той же тёплой, открытой улыбкой, которая так удивила её при первой встрече. Его глаза

были зелёными, как мох после дождя, и в них не было ни капли осуждения.

— Кристина! Заходи. Я как раз хотел тебя найти.

Она вошла. В будке было тесно, но уютно. Пахло деревом и старой электроникой — чем-то тёплым и домашним. На столе стояла кружка с остывшим чаем, рядом валялись наушники и стопка дисков.

Она села на потёртое кресло, которое скрипнуло под ней.

— Ты видела афишу? — спросил он, поворачиваясь к ней.

— Да, — ответила она. — Я видела.

Он смотрел на неё долго, внимательно. Не как на больную, не как на сломленную. Как на человека, который способен на большее. Как на ту, кто может встать. В его взгляде не было жалости, и это было важно.

— Это твой шанс, — сказал он. — Ты можешь вернуться. Не для победы. Просто чтобы снова почувствовать себя живой.

— Я не готова, — сказала она, и голос её дрогнул. — Я не могу играть.

— Ты уже сыграла одну ноту, — напомнил он. — Помнишь? В подвале. Сыграй ещё. И ещё. Не нужно сразу играть всю симфонию. Просто начни.

Она смотрела на него, и внутри неё что-то закипало. Ей хотелось сказать, что он не понимает. Что он не знает, что значит быть той, кого все считают гением. Что он не знает, что значит сломаться на глазах у всего зала, слышать свист

и смех, чувствовать, как мир рушится.

— Ты не понимаешь, — сказала она, и голос её стал резче. — Ты не знаешь, что значит быть той, кого все считают гением. И вдруг осознать, что ты ничего не умеешь. Что ты сломалась.

Он смотрел на неё, и в его глазах не было осуждения. Только спокойное понимание. Он не пытался утешить её. Он просто слушал.

— Ты права, — сказал он. — Я не знаю, что значит быть гением. Но я знаю, что значит бояться. Когда я только начал учиться на звукорежиссёра, я думал, что ничего не умею. Все вокруг уже знали, как записывать звук, как работать с аппаратурой, а я просто тупо нажимал на кнопки, надеясь, что что-то получится.

Она смотрела на него, удивлённая. Он никогда не рассказывал о себе.

— Мой первый проект был полным провалом, — продолжал он. — Я так разозлился на себя, что хотел всё бросить. Я думал, что я никчёмный. Что я никогда не научусь. Но мой преподаватель сказал мне одну вещь: «Ты не умеешь ошибаться. Ты просто боишься. Но ошибки — это часть процесса. Если ты не будешь ошибаться, ты никогда не научишься».

Он замолчал, глядя на неё.

— Ты не боишься играть, Кристина. Ты боишься ошибиться. Но ошибки — это часть процесса.

Она молчала. Она чувствовала, как его слова оседают

внутри неё, как они находят отклик в той части, которую она считала мёртвой. Он был прав. Она не боялась музыки. Она боялась провала. Боялась, что если попытается и не сможет, то это окончательно докажет, что она — фальшивка.

— Я боюсь, — сказала она, и голос её стал тише. — Я боюсь, что если попытаюсь, то у меня снова ничего не получится.

— Тогда попробуй снова, — сказал он. — И ещё раз. И ещё. Если ты упадёшь, я подниму тебя. Это не требует таланта, Кристина. Это требует только мужества.

Она смотрела на него, чувствуя, как внутри неё что-то оттаивает. Её злость медленно уходила, уступая место чему-то другому. Сомнению. Надежде. Она видела, что он говорит это искренне, что он действительно верит в неё. И это было странно — верить в неё, когда она сама в себя не верила.

— Откуда ты знаешь? — спросила она. — Откуда ты знаешь, что я смогу?

— Я не знаю, — сказал он. — Но я верю. Иногда этого достаточно.

Она молчала. Она не знала, что сказать. Она просто сидела, чувствуя, как внутри неё разрастается что-то новое. Не уверенность, нет. Но что-то похожее на надежду.

— Подумай об этом, — сказал он мягко. — Не отвечай сейчас. Просто подумай.

Она кивнула и встала. Кресло скрипнуло, будто прощаясь с ней.

— Спасибо, — сказала она. — За то, что веришь в меня.
Он улыбнулся:
— Всегда.

Она вышла из звуковой будки и, не раздумывая, достала телефон.

Ей нужно было поговорить с кем-то, кто не был частью этого мира. С кем-то, кто знал её до того, как она стала «гениальной пианисткой». С кем-то, кто видел в ней просто человека.

Она набрала номер Лены. Та ответила после первого гудка.

— Кристина! — голос Лены был взволнованным, почти радостным, но с ноткой тревоги. — Ты жива? Ты не отвечала на звонки, я уже начала волноваться. Я думала, ты меня больше не хочешь знать.

— Извини, — сказала Кристина, чувствуя, как вина сжигает грудь. — Я была... не в себе. Прости, что не отвечала. Я просто не могла говорить.

— Я понимаю, — голос Лены стал мягче. — Я всё понимаю. Ты как? Я слышала про конкурс. Ты хочешь поговорить?

Кристина помолчала. Она смотрела на дверь звуковой будки, на коридор, который вел к выходу из академии. Ей хотелось увидеть подругу. Хотелось выпить чай в том маленьком кафе, где они сидели часами, обсуждая глупости, мечтая о будущем, смеясь.

— Давай встретимся, — сказала она. — Через час. В нашем кафе.

— Я буду, — ответила Лена, и Кристина услышала в её голосе улыбку. — Я всегда буду.

Кафе «Уголок» было маленьким, уютным местом на углу двух улиц, с деревянными столиками и потёртыми креслами, в которых можно было утонуть. Здесь всегда пахло кофе и ванилью, и даже в самые холодные дни здесь было тепло.

Кристина вошла первой. Она заказала зелёный чай и села у окна, глядя на улицу. Солнце уже клонилось к закату, и лучи становились мягче, золотистее, окрашивая всё вокруг в тёплые тона. Она смотрела на прохожих — на женщину с коляской, на пожилую пару, которая держалась за руки, на студента с наушниками, который что-то напевал себе под нос. Она смотрела на них и думала о том, как просто живут люди. Как легко они дышат. Как они могут просто идти и не думать о том, что внутри них — пустота.

Через десять минут дверь кафе открылась, и вошла Лена. Она была такой же, как всегда — яркая, с короткой стрижкой, которая подчёркивала её живые глаза, и лёгкой улыбкой, которая появлялась на её лице даже тогда, когда ей было грустно. Она была в своём любимом свитере — большом, вязаном, который она носила уже несколько лет, но не хотела выбрасывать.

Она подошла к столу, села напротив и взяла Кристину за руку.

— Ты выглядишь... лучше, — сказала она, вглядываясь в лицо подруги. — Не такой потерянной. Что случилось? Рассказывай.

Кристина начала говорить.

Она рассказала о провале на конкурсе, о том, как мать смотрела на неё с ужасом, о том, как Максим сказал ей, что она фальшивая нота. О том, как она не могла играть, как пряталась в подвале, как боялась даже прикасаться к клавишам.

Она рассказала о Денисе, который показал ей запись её игры. О том, как она услышала себя настоящую. О том, как она нажала одну ноту.

Лена слушала молча, не перебивая. Её рука всё ещё лежала на руке Кристины, тёплая и живая.

— Я не знаю, что делать, — сказала Кристина, и голос её дрогнул. — Я боюсь. Но я хочу попробовать. Только я не знаю, смогу ли.

Лена смотрела на неё, и в её глазах было что-то похожее на уважение.

— А если не сможешь? — спросила она. — Что тогда?

Кристина задумалась. Она смотрела на чашку с зелёным чаем, на пар, который поднимался над ней, на отражение собственного лица в гладкой поверхности. Она чувствовала, как внутри неё что-то зреет. Как страх борется с чем-то другим. С чем-то, что она так долго прятала.

— Если не смогу... то я попробую ещё раз, — сказала она. — Я не хочу больше сдаваться.

Лена кивнула.

— Ты изменилась, — сказала она. — Ты не такая потерянная, как раньше. Ты просто боишься.

— Я всегда боюсь, — сказала Кристина.

— А если ты не будешь играть, — спросила Лена, и голос её стал мягче, — что ты будешь делать?

Кристина замерла.

Она смотрела на подругу, и внутри неё всё оборвалось. Она никогда не говорила этого вслух. Никому. Даже самой себе. Она прятала эту мечту под кроватью, в старой коробке, под стопкой нот. Она боялась прикоснуться к ней, боялась, что если признается, то всё рухнет.

Но сейчас, глядя в глаза Лены, она почувствовала, что не может больше молчать. Что если она не скажет это сейчас, то никогда не скажет.

— Я хочу быть юристом, — сказала она, и голос её дрогнул. — Я хочу помогать людям. Защищать их. Я хочу делать что-то, что имеет значение.

Она замолчала, чувствуя, как слёзы подступают к глазам. Она сказала это. Вслух. Впервые в жизни.

Лена смотрела на неё с лёгкой улыбкой. В её глазах не было удивления. Только тепло.

— Тогда почему ты боишься? — спросила она. — Это же прекрасно. Ты можешь быть юристом. И играть. Или не играть. Но ты не должна бояться того, что хочешь.

Кристина смотрела на неё, чувствуя, как слёзы текут по

щекам.

— Я не знаю, — сказала она. — Я боюсь, что это неправильно. Что я должна быть пианисткой. Что я подведу маму.

— Ты не должна быть тем, кем тебя хотят видеть другие, — сказала Лена. — Ты должна быть собой. Даже если это страшно.

Кристина смотрела на неё, и внутри неё что-то менялось. Маленький кусочек льда, который она носила в себе годами, наконец растаял. Она чувствовала, как тепло разливается по груди, как надежда пробивается сквозь страх.

— Спасибо, — сказала она. — За то, что ты есть.

Лена сжала её руку.

— Всегда.

Она вернулась домой, когда солнце уже садилось за горизонт, окрашивая небо в тёплые оранжевые тона.

В квартире пахло ужином — жареным луком, морковью, чем-то домашним и уютным, что всегда ассоциировалось у неё с детством. С теми временами, когда она ещё не знала, что такое страх перед сценой, когда музыка была просто игрой, а не испытанием. Она сняла куртку и повесила её на вешалку, и на секунду задержалась у двери в комнату матери, прислушиваясь к тишине. Но из-за двери не доносилось ни звука, и Кристина прошла на кухню.

Мать стояла у плиты, помешивая что-то в кастрюле. Она обернулась, когда услышала шаги. В её глазах не было холода. Но и той тихой надежды, которая была утром, тоже не

было. Только напряжение. Она не знала, что скажет дочь.

— Я слышала, в академии объявили конкурс дуэтов, — сказала Ирина. Голос её был ровным, но она избегала смотреть в глаза Кристине.

— Да, — сказала Кристина. — Я видела афишу.

— Ты будешь участвовать?

Кристина молчала. Она смотрела на мать, на её руки, которые чуть дрожали, когда она ставила кастрюлю на подставку. Она видела, как мать пытается скрыть это дрожание, как она сжимает пальцы в кулаки, а потом разжимает их. Она видела всё. И чувствовала, как внутри неё всё сжимается.

— Я не знаю, — сказала она. — Я боюсь.

Мать села напротив. Она смотрела на Кристину, и в её глазах была борьба. Она хотела сказать что-то резкое, что-то, что вернёт их к старым временам, когда она требовала, чтобы Кристина играла. Когда она говорила: «Ты должна». Но она остановила себя. Кристина видела, как она сдерживается, как её дыхание становится прерывистым.

— Я не понимаю этого, — сказала она, и голос её дрогнул. — Я не понимаю, как можно отказаться от такого дара. Как можно не хотеть играть, когда у тебя есть талант, о котором другие могут только мечтать.

Она замолкает, собираясь с мыслями. Она смотрит на свои руки, лежащие на столе, на дрожащие пальцы.

— Я знаю, что ты не хочешь быть пианисткой. Ты сказала мне это. И я пытаюсь принять это. Но мне трудно, дочка.

Мне очень трудно.

Кристина видит, как по щеке матери течёт слеза. Она не вытирает её. Она смотрит на Кристину, и в её глазах — боль. Та самая боль, которую Кристина так боялась увидеть.

— Я не хочу, чтобы между нами была стена. Я не хочу терять тебя. Но я не знаю, как жить без этой мечты. Я не знаю, как жить с тем, что я ошиблась. Что я заставила тебя страдать, думая, что делаю тебя счастливой.

Кристина чувствует, как внутри неё всё обрывается. Она хотела, чтобы мать поняла. Она хотела, чтобы мать поддержала её. Но она не хотела видеть эту боль. Она не хотела быть той, кто причиняет эту боль. Она чувствует, как к горлу подступает ком, как слёзы начинают жечь глаза.

— Мама, — говорит она, и голос её срывается. — Я не хочу, чтобы ты страдала.

— Я знаю, — говорит мать, и её голос становится тише, почти шёпотом. — Я знаю, что ты не хочешь. Но я не могу просто взять и перестать чувствовать то, что чувствую. Это не происходит за один день. Это не происходит по щелчку пальцев.

Она смотрит на Кристину, и в её глазах — любовь и боль, смешанные в одно целое.

— Я попытаюсь понять, — говорит она. — Я попытаюсь принять. Но мне нужно время. Ты понимаешь? Мне нужно время, чтобы смириться с тем, что моя мечта умирает.

Кристина смотрит на неё, чувствуя, как слёзы текут по ще-

кам. Она не вытирает их. Она просто сидит и смотрит на мать, которая плачет, но не отворачивается.

— Я понимаю, — говорит она. — Я подожду. Я буду рядом.

Мать кивает. Она протягивает руку и сжимает руку Кристины. Её пальцы холодные, но прикосновение — тёплое.

— Я люблю тебя, дочка, — говорит она. — Что бы ни случилось. Я всегда буду любить тебя.

Они сидят в тишине, и в этой тишине нет холода. Только боль. И любовь. И надежда, которая ещё не знает, сможет ли выжить.

Кристина ушла в свою комнату.

Она закрыла за собой дверь и прислонилась к ней спиной, чувствуя, как колотится сердце. Она слышала, как мать осталась на кухне одна. Слышала, как она тяжело дышит, как пытается справиться с собой. Кристина хотела вернуться. Хотела обнять её, сказать, что всё будет хорошо. Но она не могла. Она не знала, что будет хорошо. Она не знала, что будет вообще.

Она легла на кровать, глядя в потолок. Трещина всё так же тянулась по побелённой поверхности, но теперь она не казалась ей картой страны, в которой она никогда не будет. Она казалась просто трещиной. Частью старого дома, в котором она жила.

А на кухне мать осталась одна.

Она сидела за столом, глядя на пустую чашку перед со-

бой. Её руки дрожали. Она не плакала — она сидела, стиснув зубы, и пыталась не развалиться на части. Она слышала, как закрылась дверь в комнату Кристины. Слышала, как дочь легла на кровать. И она знала, что не может пойти к ней. Не сейчас.

Она медленно встала и подошла к полке, где лежали старые ноты Кристины. Она взяла их в руки, провела пальцами по страницам, чувствуя, как бумага шершавит кожу. Она вспоминала, как Кристина впервые села за пианино. Ей было пять лет. Она была такой маленькой, такой сосредоточенной, такой талантливой. Она помнила, как Кристина смотрела на неё, когда играла свою первую мелодию. Как в её глазах был восторг. Как она улыбалась.

Ирина закрыла глаза. Она шептала в тишину:

— Я так хотела, чтобы у тебя была лучшая жизнь. Я так хотела, чтобы ты не повторила мою судьбу.

Слёзы текли по её щекам, но она не вытирала их. Она сжимала ноты в руках, чувствуя, как бумага мнётся под пальцами.

— Я не знаю, как жить без этой мечты, — шептала она. — Я не знаю, как жить с тем, что моя мечта умирает. Но я не хочу терять тебя. Я не хочу, чтобы между нами была стена.

Она смотрела на ноты, на старые, пожелтевшие страницы, и понимала, что это — её жизнь. Вся её жизнь была в этих нотах. В каждой строчке, в каждой ноте, в каждом аккорде. Она отдала всё, чтобы Кристина стала той, кем она не смогла

стать сама.

И теперь она должна была отпустить это.

Она села на стул, сжимая ноты в руках, и позволила себе заплакать. Тихо, беззвучно, как она всегда плакала. Чтобы никто не слышал. Чтобы никто не видел.

Она не знала, сколько времени прошло. Минуты, часы. Она просто сидела и плакала, чувствуя, как внутри неё что-то умирает. И как что-то новое начинает рождаться на его месте.

Ночью Кристина не могла уснуть.

Она лежала на кровати, глядя в потолок, и думала о том, что сказала мать. «Мне нужно время, чтобы смириться с тем, что моя мечта умирает». Она думала о том, как мать плакала, как её руки дрожали. Она думала о том, что сказала Лена. «Ты можешь быть юристом». Она думала о том, что сказал Денис. «Ошибки — это часть процесса».

Она чувствовала, как внутри неё разрастается что-то новое. Не уверенность, нет. Но что-то похожее на надежду. Маленькую, хрупкую, как первый росток весной, который пробивается сквозь снег, не зная, выживет ли он. И рядом с этой надеждой — боль. Боль за мать. Боль за то, что она не может дать ей то, чего та так сильно хочет.

Она встала, оделась и вышла из дома.

Ночь была холодной. Ветер дул с такой силой, что срывал последние листья с деревьев и бросал их в лицо. Кристина шла по пустым улицам, чувствуя, как воздух касается её ко-

жи, как он наполняет лёгкие, как она дышит. Она смотрела на фонари, которые разливали жёлтый свет по мокрому асфальту, на лужи, в которых отражались звёзды, и чувствовала, что она жива.

Она пришла в академию. Открыла дверь своим ключом и спустилась в подвал.

Ступени были холодными, бетонными. Свет был тусклым, жёлтым, он сочился из единственной лампочки под потолком, отбрасывая длинные тени на стены, покрытые паутиной и пылью.

Она подошла к пианино.

Оно стояло в углу, как всегда. Кристина села на старый деревянный стул и смотрела на клавиши. Чёрные и белые, холодные и мёртвые.

Она положила руки на колени.

Она не могла играть. Она не хотела играть. Она боялась.

Она сидела долго. Минуту. Две. Пять. Она чувствовала, как страх сжимает её горло, как он не даёт ей дышать. Она слышала голос, который шептал: «Ты не сможешь. Ты сломалась. Ты никогда не сможешь играть снова».

Она закрыла глаза.

Она вспомнила слова матери: «Мне нужно время, чтобы смириться с тем, что моя мечта умирает». Она вспомнила, как мать плакала, как её руки дрожали. Она вспомнила, как она сказала: «Я люблю тебя, дочка».

Она открыла глаза.

Она медленно подняла руки. Пальцы дрожали, как листья на ветру. Она не опускала их. Она смотрела на свои руки и чувствовала, как они живут, как они дрожат, как они хотят.

Она коснулась одной клавиши — белой, гладкой, холодной.

Она нажала.

Один звук — чистый, грустный, как вздох.

Она замерла, глядя на свою руку. Пальцы всё ещё лежали на клавише, и она чувствовала вибрацию, которая проходила через них. Она чувствовала, как звук рождается из её пальцев, как он заполняет пространство, как он становится частью её.

Она нажала другую. Потом ещё.

Она не играла мелодию. Она просто извлекала звуки, один за другим, как будто заново училась говорить. Она слышала их, чувствовала их, и в этом не было искусства, не было идеальной техники. Был только звук. Живой, настоящий.

Слёзы текли по её щекам, но она не останавливалась.

Она играла, чувствуя, как внутри неё что-то оттаивает. Как лёд трескается, освобождая что-то живое. Как надежда пробивается сквозь страх. И как боль за мать смешивается с этой надеждой, создавая что-то новое. Что-то, чему она пока не могла найти имени.

Она остановилась, когда пальцы устали.

Тишина, повисшая в подвале, была тёплой. Не той ледяной, которая давила на неё неделями. А другой — как объ-

ятие после долгой разлуки.

Она посмотрела на свои руки. Они дрожали, но в них была жизнь.

Она не знала, что будет завтра. Не знала, сможет ли играть снова. Не знала, сможет ли стать юристом. Не знала, сможет ли мать когда-нибудь принять её выбор.

Но впервые за долгое время она не боялась этого.

Она закрыла глаза и прошептала в пустоту:

— Я попробую.

КОНЕЦ ГЛАВЫ 5

ГЛАВА 6: «Пари»

Она проснулась оттого, что за окном было тихо.

Не было дождя. Не было ветра. Не было криков пьяного соседа. Только тишина — глубокая, утренняя, какая бывает в воскресенье, когда город ещё не проснулся. Кристина лежала неподвижно, глядя в потолок, и слушала эту тишину.

Внутри неё тоже было тихо.

Не та ледяная пустота, которая высасывала всё, не давая дышать. И не та липкая тревога, которая заставляла сердце биться быстрее. Просто тишина. Как перед первым шагом. Как перед тем, как прыгнуть в воду, не зная, холодная она или тёплая.

Она знала, что сегодня всё решится.

Она медленно села на кровати, и с этим движением в голове что-то щёлкнуло. Как будто открылась дверь, которую она держала закрытой много лет. И оттуда хлынули воспоминания.

Ей пять лет. Она стоит на цыпочках, чтобы достать до клавиш. Мать сидит рядом, но Кристина не смотрит на неё. Она смотрит на свои пальцы. Они маленькие, неуклюжие, но они касаются белой клавиши, и вдруг рождается звук. Чистый, тёплый, как солнечный свет. Кристина замирает, глядя на свою руку. Она не понимает, что произошло. Она просто чувствует, как звук проходит через неё, как он заполняет пу-

стоту внутри. Она нажимает снова. И снова. Она смеётся — звонко, радостно, как умеют смеяться только дети. «Мама, я хочу ещё!»

Кристина зажмурилась. Она не помнила этого смеха. Она не помнила, когда в последний раз смеялась так.

Она встала, оделась, вышла на кухню. Мать уже ушла на работу, но оставила записку: «Дочка, завтрак на столе. Я вернусь поздно. Ирина». Кристина смотрела на подпись. «Ирина». Не «Мама». Но она знала, что мать всё ещё борется. И она понимала эту борьбу.

Она не стала есть. Она просто взяла рюкзак и вышла из дома.

Улицы были пустыми. Солнце только начинало подниматься, и воздух был свежим, прохладным, с запахом утренней сырости. Кристина шла по тротуару, и её шаги отдавались эхом в тишине.

Ей двенадцать лет. Она сидит на полу перед старым телевизором и смотрит концерт. На сцене — пианист, весь в чёрном, и его пальцы летают над клавишами, извлекая музыку, от которой у неё перехватывает дыхание. Зал аплодирует. Люди встают. Кристина смотрит на этот восторг, и внутри неё что-то горит. Она поворачивается к матери, которая стоит в дверях, и говорит: «Я тоже хочу так. Я хочу, чтобы меня слышали. Чтобы люди вставали и аплодировали мне». Мать улыбается. Она подходит и обнимает её. «Ты сможешь, дочка. Ты сможешь». И в этот момент Кристина верит. Ве-

рит так сильно, что в груди становится тесно.

Она остановилась на углу, чувствуя, как воспоминание сжимает горло. Она помнила этот день. Она помнила тот огонь, который горел внутри неё. Она хотела славы. Она хотела признания. Она хотела быть великой.

И она стала. Она стала лучшей. Она выигрывала конкурсы, получала награды, ей аплодировали. Но огонь внутри неё погас. Не сразу. Постепенно. Он гас с каждым «ты должна», с каждым «ты не имеешь права на ошибку», с каждым страхом, который она чувствовала на сцене.

Ей пятнадцать лет. Она проигрывает на важном конкурсе. Не из-за ошибки — из-за страха. Она выходит на сцену, видит лица в зале, и внутри неё всё обрывается. Она играет фальшиво, сбивается, путает ноты. Зал молчит. Она убегает в туалет и плачет там, прижимаясь спиной к холодной стене. Она плачет не потому что мать будет расстроена. Она плачет потому что она сама, она, та двенадцатилетняя девочка, которая хотела, чтобы ей аплодировали, не смогла. Она предала себя.

Кристина сжала кулаки. Она чувствовала, как слёзы подступают к глазам, но она сдержала их. Она не хотела плакать. Она хотела идти дальше.

Она подошла к академии. Здание высилось перед ней, белое, холодное, величественное. Она смотрела на него, и внутри неё было странное чувство. Не страх, не волнение. Решимость.

Она знала, что сегодня она встретит Максима. Она знала, что он бросит ей вызов. И она знала, что она примет его.

Не для того, чтобы доказать ему что-то. И не для того, чтобы угодить матери. Она примет его для себя. Для той маленькой девочки, которая когда-то впервые коснулась клавиш и засмеялась от счастья. Чтобы поставить точку. Чтобы сказать себе: я могу. Или я проиграла по-настоящему. Но я попыталась.

Она глубоко вдохнула и вошла внутрь.

Она шла по коридору, и её шаги гулко разносились по пустому пространству. В академии было тихо — занятия ещё не начались, и только редкие студенты проходили мимо, не обращая на неё внимания. Она не смотрела по сторонам. Она знала, куда идёт.

К доске объявлений.

Она остановилась перед афишей. Те же буквы, та же бумага, те же слова. «КОНКУРС ДУЭТОВ». Она смотрела на них, и внутри неё боролись два голоса. Один — который говорил: «Ты не сможешь. Ты сломалась. Ты никогда не сможешь играть снова». Другой — который шептал: «Ты должна попробовать. Ты должна поставить точку».

Она не знала, какой из них сильнее.

Она стояла так долго, что почти не заметила, как тишина коридора нарушилась шагами. Чьи-то шаги — тяжёлые, уверенные, как у человека, который знает, что он здесь главный. Она узнала их, даже не обернувшись.

Максим.

Он подошёл и остановился рядом с ней. На расстоянии, которое было достаточно близким, чтобы она чувствовала его присутствие, и достаточно далёким, чтобы между ними оставалась стена.

— Ты смотришь на афишу, — сказал он, и голос его сочился насмешкой. — Как будто собираешься участвовать. Но ты же сломалась. Ты не можешь играть.

Она медленно повернулась к нему. Он выглядел так же, как в прошлый раз — бледный, уставший, с тёмными кругами под глазами. Но в его взгляде было что-то новое. Вызов. Он смотрел на неё, и в его глазах была не просто насмешка — провокация.

— Откуда тебе знать, что я могу, а что нет? — спросила она, и голос её прозвучал резче, чем она ожидала.

Он усмехнулся — коротко, без тепла.

— Я вижу. Ты боишься собственной тени. Ты проиграла, даже не начав бороться. Ты просто сдалась, как трусиха. Ты даже не попыталась.

Она почувствовала, как внутри неё закипает злость. Это была та же злость, которую она чувствовала в коридоре в тот день, когда он сказал ей, что она фальшивая нота. Но теперь она была сильнее. Глубже. Он бил по больному, и она чувствовала уколы в самое сердце.

— Ты ничего не знаешь! — выкрикнула она, не сдерживаясь. — Ты не знаешь, что значит нести этот груз! Что значит,

когда от тебя ждут победы каждый день! Что значит, когда ты не имеешь права на ошибку!

Максим шагнул ближе. В его глазах не было сочувствия. Только холодная, беспощадная правда.

— Значит, ты слабая, — сказал он, и голос его стал тише, но от этого только острее. — Ты слабая, и ты боишься, что все увидят это снова. Ты боишься выйти на сцену и провалиться, как в прошлый раз. Ты боишься, что фальшивая нота будет не на сцене, а внутри тебя.

Она смотрела на него, и внутри неё что-то оборвалось. Он бил по самому больному месту, по тому страху, который она носила в себе всё это время. Она сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

Ей двенадцать лет. Она смотрит на пианиста по телевизору, и в её глазах горит огонь. «Я хочу, чтобы меня слышали. Чтобы люди вставали и аплодировали мне».

— Я не боюсь проиграть, — сказала она, и голос её дрогнул. — Я боюсь, что я перестала верить в себя. А ты? Ты просто боишься, что за твоей идеальной игрой ничего нет. Что ты — пустота. Что ты — просто робот, который умеет нажимать на струны.

Он замер. На мгновение в его глазах мелькнуло что-то — боль? Удивление? Но он быстро справился с собой.

— Мы не о моей пустоте говорим, — сказал он, и голос его стал жёстче. — Мы о твоей трусости. Докажи, что ты не трусиха. Сыграй со мной дуэт. Если мы получим овацию —

я признаю, что ты не фальшивка. Если нет — ты уходишь из академии. Навсегда. Ты достаточно смелая для этого? Или ты просто хочешь и дальше прятаться в своём подвале, пока никто не заметит, что тебя больше нет?

Она смотрела на него, чувствуя, как внутри неё разрастается что-то новое. Не страх. Не ярость. Решимость.

Я делаю это для той маленькой девочки, которая хотела, чтобы ей аплодировали, — сказала она себе. — Я делаю это, чтобы поставить точку.

— Идёт, — сказала она, и голос её звучал твёрже, чем она чувствовала себя. — Я принимаю твоё пари. Но я ставлю своё условие: мы играем для себя, а не для победы. Если мы будем играть только ради оваций — это не имеет смысла. Это будет просто очередная фальшь.

Он смотрел на неё долго, внимательно. В его глазах было что-то новое. Уважение? Или просто удивление? Она не знала.

— Согласен, — сказал он.

Они стояли друг напротив друга в пустом коридоре. Тишина была между ними, но теперь она не была враждебной. Она была как первый аккорд, который ждёт продолжения.

Он развернулся и ушёл, не сказав больше ни слова. Кристина осталась стоять перед афишей, чувствуя, как внутри неё бьётся что-то новое.

Она приняла вызов.

Она не помнила, как дошла до звуковой будки.

Ноги сами несли её по коридорам, мимо классов, мимо лестниц, мимо студентов, которые уже начали заполнять академию. Она слышала их голоса, их смех, их шёпот, но не различала слов. Внутри неё всё ещё звучал его голос: «Если нет — ты уходишь из академии. Навсегда».

Она толкнула дверь звуковой будки и вошла.

Денис сидел за пультом, наушники висели на его шее. Он что-то записывал, перебирая дорожки, и не сразу заметил её. Но когда поднял глаза, его лицо изменилось.

— Кристина? — он снял наушники и повернулся к ней.
— Ты выглядишь так, будто только что сражалась.

Она села на потёртое кресло, и оно скрипнуло под ней. Она смотрела на свои руки, которые всё ещё дрожали. Она сжимала их в кулаки, потом разжимала, пытаясь успокоиться.

— Я согласилась, — сказала она. — На его дурацкое пари.
— На пари? — Денис поднял бровь. — Что за пари?

Она подняла голову и посмотрела на него. Он смотрел на неё спокойно, без осуждения, без удивления. Просто ждал.

— Максим предложил мне сыграть с ним дуэт, — сказала она. — Если мы получим оvation — он признает мой талант перед всей академией. Если нет — я уйду. Навсегда.

Денис молчал несколько секунд. Потом усмехнулся — тихо, без насмешки.

— И ты согласилась.

— Да, — сказала она. — Я согласилась.

— Почему?

Она задумалась. Она могла бы сказать, что хотела доказать ему, что он не прав. Что хотела показать, что она не боится. Что хотела вернуться. Но внутри неё было что-то другое. Что-то, что она не могла объяснить словами.

— Потому что я устала бояться, — сказала она. — Я устала прятаться. Я устала быть той, кого все жалеют. Я хочу попробовать. Даже если это будет ошибка.

Денис смотрел на неё, и в его глазах было что-то похожее на уважение.

— Это смело, — сказал он. — Это действительно смело.

— Я не знаю, смогу ли я, — сказала она. — Я не знаю, готова ли я.

— Ты уже сделала первый шаг, — сказал он. — Ты согласилась. Теперь осталось только сыграть.

Она смотрела на него, и внутри неё что-то менялось. Страх всё ещё был там, но он уже не был таким сильным. Он был похож на тень, которая боялась света, но уже не могла его скрыть.

— Я боюсь, — призналась она. — Боюсь, что у меня ничего не получится.

— Тогда попробуй, — сказал он. — Если у тебя ничего не получится — мы придумаем что-нибудь ещё. Но если ты не попробуешь, ты никогда не узнаешь, что могло бы случиться.

Она молчала. Она чувствовала, что он прав. И это был тот самый момент, когда она решила, что пойдёт до конца.

— Знаешь, — сказала она тихо, — я хочу это сделать не для того, чтобы доказать Максиму, что он не прав. И не для того, чтобы мама гордилась мной. Я хочу сделать это для себя. Для той маленькой девочки, которая когда-то сама хотела играть. Я хочу поставить точку. Сыграть последний раз — и уйти с чистой совестью.

Денис смотрел на неё, и в его глазах было что-то новое. Не уважение — что-то большее.

— Тогда иди и сыграй так, чтобы тебе самой не было стыдно, — сказал он. — Сыграй так, чтобы та маленькая девочка могла тобой гордиться.

Она смотрела на него, чувствуя, как внутри неё разрастается решимость. Она встала, чувствуя, как в её груди бьётся что-то новое. Не уверенность, нет. Но что-то похожее на решимость.

— Спасибо, — сказала она. — За то, что ты есть.

Он улыбнулся той же тёплой улыбкой.

— Всегда.

Она вернулась домой, когда солнце уже клонилось к закату.

В квартире было тихо. Мать сидела на кухне за столом, сложив руки перед собой. Она ждала. Она смотрела на дверь, когда Кристина вошла, и в её глазах был вопрос, который она не решалась задать.

Кристина сняла куртку, повесила её на вешалку. Она чувствовала, как мать смотрит на неё, как её взгляд касается

спины, как она пытается прочесть её лицо. Она медленно прошла на кухню и села напротив.

— Я согласилась участвовать, — сказала она. — В конкурсе дуэтов. С Максимом.

Мать замерла. Её руки, которые лежали на столе, чуть дрогнули.

— С Максимом Белозёровым? — переспросила она.

— Да, — сказала Кристина. — Он предложил мне дуэт. Он поставил условие: если мы получим оvation — он признает мой талант перед всей академией. Если нет — я уйду навсегда.

Она сказала это ровно, без дрожи, хотя внутри всё дрожало. Она смотрела на мать, чувствуя, как между ними повисает тишина. Тяжёлая, напряжённая.

Мать молчала долго. Она смотрела на Кристину, и в её глазах была борьба. Она хотела что-то сказать, но не могла подобрать слов.

— Ты уверена? — спросила она наконец.

— Нет, — сказала Кристина. — Но я хочу попробовать. Впервые в жизни — потому что я хочу, а не потому что должна.

Мать смотрела на неё, и в её глазах мелькнуло что-то — удивление, гордость, страх. Она хотела сказать что-то ещё, но слова застряли в горле. Она протянула руку через стол и сжала ладонь Кристины.

— Я буду рядом, — сказала она. — Что бы ни случилось.

Я буду рядом.

Кристина чувствовала, как слёзы подступают к глазам. Она сжала материнскую руку в ответ.

— Спасибо, мама, — сказала она. — Спасибо, что веришь в меня.

Мать улыбнулась — слабо, но искренне.

— Я всегда верила в тебя, дочка. Даже когда не умела это показывать.

Кристина смотрела на мать, и внутри неё что-то менялось. Она знала, что мать всё ещё борется. Что ей трудно. Что она не понимает, но пытается. И этого было достаточно.

— Мама, — сказала Кристина. — Я хочу, чтобы ты знала. Я не играю ради победы. Я не играю, чтобы доказать что-то тебе или Максиму. Я играю для себя. Чтобы поставить точку. Чтобы понять, смогу ли я.

Мать смотрела на неё, и в её глазах блеснули слёзы.

— Я понимаю, — сказала она. — Я не знаю, как принять это. Но я понимаю.

Они сидели в тишине, и в этой тишине не было холода. Только тепло.

Ночью Кристина не могла уснуть.

Она лежала на кровати, глядя в потолок, и думала о том, что будет завтра. Она не знала, сможет ли играть. Не знала, что скажет Максим на первой репетиции. Но она знала одно: она сделала выбор. Она приняла вызов. Она не сдалась.

Она закрыла глаза и провалилась в сон.

На следующий день она пришла в академию, когда коридоры только начинали заполняться студентами.

Она не знала, где они должны встретиться. Максим не сказал ей. Он просто развернулся и ушёл после того, как она согласилась. Она шла по коридору, чувствуя, как сердце бьётся быстрее.

Она увидела его у входа в концертный зал. Он стоял, приклонившись к стене, и смотрел на неё с тем же вызовом, что и вчера. Он не улыбнулся, не поздоровался. Он просто кивнул в сторону двери.

— Идём, — сказал он.

Она вошла следом за ним.

Зал был пуст. Свет падал с потолка, золотистый и мягкий, оставляя длинные тени на паркете. На сцене стояли рояль и стул. Кристина смотрела на них, и внутри неё что-то дрогнуло.

Она не играла на рояле с того самого конкурса. С того дня, когда она сломалась.

— Садись, — сказал Максим, кивая на рояль. — Начнём.

Она медленно подошла к сцене. Её шаги эхом разносились по пустому залу. Она поднялась на сцену, села за рояль, положила руки на колени. Она смотрела на клавиши, чувствуя, как пальцы начинают дрожать.

Максим сел напротив, взял скрипку в руки. Он смотрел на неё, и в его глазах было что-то, чего она не могла прочесть. Не насмешка, не вызов. Просто ожидание.

— С чего начнём? — спросила она.

— С чего хочешь, — сказал он. — Я просто буду рядом.

Она смотрела на клавиши. Она не знала, что играть. Она не знала, сможет ли. Она чувствовала, как страх сжимает горло, как он пытается вернуть её в ту пустоту, из которой она только начала выходить.

Она закрыла глаза.

Ей двенадцать лет. Она смотрит на пианиста по телевизору, и в её глазах горит огонь. «Я хочу, чтобы меня слышали. Чтобы люди вставали и аплодировали мне».

Она открыла глаза.

Она положила руки на клавиши.

Она начала играть.

Не произведение, не мелодию. Просто звуки. Она играла то, что чувствовала. Свой страх. Свою надежду. Свою решимость. Она не пыталась быть идеальной. Она просто играла.

Сначала Максим не двигался. Он смотрел на неё, слушал её игру. А потом он поднял скрипку и начал играть.

Его музыка была другой. Не идеальной, не техничной. Она была грубой, как крик, который рвётся наружу. И она вплеталась в её игру, как будто они разговаривали друг с другом на языке, который никто не понимал.

Они не играли вместе. Они играли рядом. Иногда их звуки сталкивались, иногда расходились. Иногда они сбивались, останавливались, смотрели друг на друга, начинали заново. Но в этом не было ошибок. В этом было начало.

Она не знала, сколько времени прошло. Минуты, часы. Она просто играла, чувствуя, как внутри неё оттаивает что-то, что она считала мёртвым.

Когда она остановилась, в зале повисла тишина. Не та ледяная, что была раньше. Другая — как объятие после долгой разлуки.

Она посмотрела на Максима.

Он смотрел на неё, и в его глазах не было насмешки. Только что-то, что она не могла прочесть.

— Ты играла, — сказал он. — По-настоящему.

Она не знала, что ответить.

Они сидели в тишине, глядя друг на друга. И в этой тишине было что-то новое. Что-то, что только начинало рождаться между ними.

КОНЕЦ ГЛАВЫ 6

ГЛАВА 7: «Глоток воздуха»

Ей четырнадцать. Ему пятнадцать.

Она стоит за кулисами, сжимая пальцы в кулаки так сильно, что ногти впиваются в ладони. Занавес ещё закрыт, но она слышит гул зала — сотни голосов, смех, шёпот, кашель. Сердце колотится где-то в горле, и она пытается дышать ровно, но не может.

Она знает, что он уже сыграл.

Максим Белозёров. Тот самый, о котором говорят все преподаватели. Тот, кого ставят в пример. Тот, у кого идеальная техника, идеальный слух, идеальная победа.

Она не видела его игру — она стояла за кулисами, когда он выступал. Но она слышала. Его музыка была безупречной, холодной, как стекло. Зал взорвался аплодисментами, когда он закончил. Преподаватели перешёптывались. Даже мать, сидящая в зале, сказала: «Это был сильный соперник».

И теперь она должна выйти на сцену после него.

Когда занавес поднимается, она видит его в первом ряду. Он смотрит на неё с лёгкой насмешкой, как на насекомое, которое вот-вот раздавят. В его взгляде — уверенность, которая бесит. «Ты не сможешь играть так, как я. Ты никогда не станешь лучше меня».

Она садится за рояль. Пальцы дрожат. Она смотрит на клавиши, слышит его музыку в голове — идеальную, без-

упречную, пустую. И внутри неё что-то щёлкает.

Она играет.

Не так, как он. Не идеально. Она играет так, как чувствует. Она выплёскивает на клавиши всё, что у неё есть — страх, злость, отчаяние, надежду. В зале тихо. Она не слышит аплодисментов, потому что её музыка поглощает всё пространство.

Когда она заканчивает, зал молчит. А потом — взрыв. Аплодисменты, крики «Браво!», встают люди. Она смотрит в зал и видит его. Максим не аплодирует. Он смотрит на неё, и в его глазах — не злость, не зависть. Вызов. «Ты показала мне, что я не единственный».

С этого дня он стал её врагом. Но она помнит тот взгляд до сих пор.

Кристина открыла глаза.

Она сидела на кровати в своей комнате, и вечерний свет падал на пол оранжевыми полосами. Воспоминание ушло, но оставило после себя странный осадок. Она помнила тот день. Она помнила, как он смотрел на неё. И она помнила, как внутри неё тогда загорелось желание — не просто победить его, а показать ему, что она есть.

Она не знала тогда, что это соперничество продлится почти пять лет. И не знала, что однажды они будут стоять на одной сцене не как враги, а как дуэт.

Мысль о том, что они будут играть вместе, казалась ей одновременно абсурдной и неизбежной. Она не знала, что бу-

дет завтра на репетиции. Она не знала, сможет ли смотреть на него без ненависти.

Но она знала одно: она не сбежит. Она примет его вызов. Она сыграет.

Она сидела на кровати, глядя в окно.

За стеклом медленно угасал вечер. Небо переливалось от бледно-розового к густому синему, и первые звёзды уже начинали проступать сквозь тонкую пелену облаков. Где-то вдалеке зажигались огни, и город постепенно погружался в сумерки.

Кристина смотрела на этот медленный переход света во тьму и думала о том, сколько раз она сидела так же. В этой же комнате. В этой же позе. И смотрела в это же окно, чувствуя, как внутри неё пустота разрастается, заполняя всё пространство.

Но сегодня пустоты не было.

Сегодня внутри неё было что-то другое. Смесь страха, надежды и странной, почти забытой уверенности. Она не знала, что это было — может быть, отчаяние, переросшее в решимость. Может быть, усталость от постоянного бегства.

Она перебирала в голове сегодняшнюю репетицию.

Как они спорили. Как он давил на неё, требуя, чтобы она играла громче, увереннее. Как она сопротивлялась, не желая подчиняться. Как они сбивались, начинали заново, сбивались снова. Как в конце — она до сих пор не верила в это — они нашли общий ритм.

Всего на несколько секунд. Но этого хватило, чтобы она почувствовала то, чего не чувствовала уже годы.

Она не могла назвать это «магией». Это слово было слишком пафосным, слишком красивым для того, что произошло на самом деле. Но это было что-то. Что-то, что заставило её замереть, глядя на него, и забыть о том, что они враги.

Она вспомнила их первое столкновение. Тот конкурс, когда ей было четырнадцать. Как он смотрел на неё, когда она победила. Как в его глазах зажглась искра. Тогда она не поняла, что это было. Но теперь она думала, что, может быть, это было начало чего-то, что они оба не осмеливались признать.

Она вспомнила все конкурсы, все победы и поражения, все взгляды, которые они бросали друг на друга через сцену. Она поняла, что всё это время она искала не победы над ним — она искала доказательство, что она чего-то стоит. Что она не фальшивка. Что та двенадцатилетняя девочка, которая смотрела на пианиста по телевизору и мечтала о славе, не умерла.

И теперь этот момент наступил.

Завтра — вторая репетиция. Она будет решающей. Если она не сможет играть завтра, не сможет преодолеть свой страх, то всё это не имеет смысла. Пари, согласие, надежда — всё рухнет. Она снова станет той, кого все считают сломленной.

Она сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладо-

ни.

Я не могу проиграть, — сказала она себе. — Я не могу снова сдаться.

Она закрыла глаза и представила завтрашний день. Как она войдёт в концертный зал, как сядет за рояль, как начнёт играть. Она представила свои руки на клавишах. Представила, как музыка заполняет зал, как она перестаёт быть просто звуком и становится её голосом.

Она не знала, получится ли у неё. Но она знала, что попытается. По-настоящему. Не для победы, не для матери, не для Максима. Для себя.

Она открыла глаза.

Где-то вдалеке прозвучал гудок машины, и тишина вечера нарушилась на мгновение. Кристина смотрела в окно, чувствуя, как внутри неё разрастается что-то новое. Не уверенность, нет. Но что-то похожее на решимость. Твёрдую, как сталь, и хрупкую, как стекло.

Она легла на кровать, глядя в потолок. Трещина всё так же тянулась по побелённой поверхности. Но теперь она не была картой страны, в которой она никогда не будет. Она была напоминанием: даже в трещинах может быть свет.

Она закрыла глаза и провалилась в сон.

Она проснулась оттого, что за окном пели птицы.

Солнце уже поднялось, и его лучи пробивались сквозь занавески, ложась на пол золотистыми полосами. Кристина лежала неподвижно, глядя в потолок, и слушала этот звук. Пти-

цы пели громко, радостно, как будто они тоже знали, что сегодня важный день.

Она села на кровати. Внутри неё не было страха. Не было той липкой тревоги, которая обычно сжимала горло по утрам. Было только тихое, ровное напряжение — как перед прыжком в воду. Она знала, что сегодня встретит Максима. Что они снова будут репетировать. Что она должна будет доказать себе, что может.

Она встала, оделась, вышла на кухню. На столе лежала записка, прижатая магнитом в виде красного яблока. Кристина взяла её в руки и развернула.

«Дочка, завтрак на столе. Удачи сегодня. Я верю в тебя. Мама»

Она смотрела на подпись. «Мама». Впервые. Не «Ирина». Не «Я люблю тебя. Ирина». Просто «Мама». Это было маленькое слово, но оно весило больше, чем все записки, что она хранила в кармане куртки.

Она убрала её туда же — на самый верх, рядом с той, где было написано «Я люблю тебя. Ирина». Она не знала, почему она хранила их все. Может быть, потому что они были единственным доказательством того, что мать всё ещё пытается.

Она поела. Вкус был. Она чувствовала его.

Когда она вошла в академию, её встретил привычный шум.

Студенты толпились в коридорах, смеялись, обсуждали

что-то. Кто-то бежал по лестнице, чуть не сбив её с ног. Кто-то кричал из конца коридора. Всё было как всегда — шумно, суетливо, по-своему живо.

Но сегодня она чувствовала себя по-другому.

Она шла по коридору, и её шаги были ровными, уверенными. Она не опускала голову. Она смотрела вперёд, и в её взгляде было что-то, чего не было раньше. Вызов. Она не боялась их взглядов.

— Смотрите, наша звёздочка пришла, — услышала она чей-то голос.

Она не обернулась, но узнала его. Одна из студенток, которая всегда смотрела на неё с презрением.

— Слышала, она согласилась на дуэт с Белозёровым, — ответил другой голос. — Думает, что сможет играть?

— Она же сломалась. Она даже пальцем не может пошевелить.

— Она точно проиграет.

Кристина остановилась.

Она медленно повернулась и посмотрела на них. Две студентки, которых она не знала. Они смотрели на неё с лёгкой усмешкой, как на экспонат. Кристина смотрела на них, и внутри неё не было страха. Только холодная, спокойная уверенность.

— Я не проиграю, — сказала она, и голос её звучал ровно, без дрожи. — Я уже проиграла однажды. И я выжила. Так что можете говорить что хотите. Мне всё равно.

Она развернулась и пошла дальше, оставляя их стоять с открытыми ртами. Она не обернулась. Она не хотела видеть их лица. Она просто шла, чувствуя, как внутри неё разливается что-то новое. Свобода.

На занятиях она сидела и слушала преподавателя, но мысли её были далеко.

Она смотрела в окно, где медленно проплывали облака, и думала о сегодняшней репетиции. Она думала о Максиме, о том, как он будет смотреть на неё, когда они встретятся. Она думала о том, сможет ли она играть так, чтобы он услышал её настоящую.

Преподаватель что-то говорил о технике, о нюансах исполнения, о том, как важно чувствовать музыку. Кристина слушала краем уха, но слова не доходили до неё. Они были как вода, которая стекает с камня, не оставляя следа.

Она смотрела на свои руки. Они лежали на парте, длинные, тонкие, с идеальной постановкой. Руки пианистки. Руки, которые предали её. Руки, которые должны были сыграть сегодня.

Она сжала их в кулаки, потом разжала. Она чувствовала, как они дрожат. Но в этом дрожании было не только страх. Было что-то ещё. Надежда.

Она закрыла глаза и представила, как садится за рояль. Представила, как касается клавиш. Как рождается звук. Как она играет не для победы, а для себя.

— Никольская, вы меня слушаете? — голос преподавате-

ля вырвал её из размышлений.

Она открыла глаза и посмотрела на него. Он смотрел на неё с лёгким недовольством.

— Да, — сказала она. — Я слушаю.

Он покачал головой, но ничего не сказал. Кристина снова посмотрела в окно.

Она ждала конца занятий.

Когда прозвенел звонок, Кристина поднялась первой.

Она не оглядывалась. Она не ждала никого. Она просто вышла из класса и направилась к концертному залу. Шаги её были ровными, уверенными. Она знала, куда идёт. Она знала, что он будет ждать её.

Она подошла к дверям концертного зала и остановилась.

Дверь была приоткрыта. Изнутри доносился слабый свет — кто-то уже включил софиты на сцене. Кристина слышала, как внутри кто-то ходит, как тихо стучат шаги по паркету.

Она толкнула дверь и вошла.

Максим стоял на сцене, спиной к ней. Он держал скрипку в руках, но не играл. Просто стоял, глядя на пустой зал. Свет падал на его плечи, и в этом свете он казался почти другим. Не таким холодным. Почти человеческим.

Он слышал её шаги и медленно повернулся.

— Ты пришла, — сказал он. Голос его был ровным, но в нём не было той насмешки, что обычно звучала.

— Я пришла, — ответила она.

Он кивнул, как будто это было само собой разумеющимся.

Она подошла ближе и остановилась у сцены, глядя на него снизу вверх.

— Завтра после занятий, — сказал он. — В пять. Ты будешь?

— Буду, — ответила она.

Он кивнул, уже собираясь уйти. Она видела, как он хочет развернуться, как его плечи напрягаются в ожидании этого движения. Но что-то остановило его. Что-то, чего она не ожидала.

— Ты не должна бояться, — сказал он тихо. — Это просто репетиция.

Она смотрела на него, чувствуя, как внутри неё что-то дрогнуло. Это не было сочувствием. Это было что-то другое. Признание того, что он тоже знает, что такое страх.

— Я не боюсь, — сказала она. — Я просто хочу попробовать.

— Ты уже попробовала, — сказал он. — Вчера. У тебя получилось.

Она не знала, что ответить. Она просто смотрела на него, и в его глазах не было холода. Только усталость.

Он развернулся и пошёл к выходу.

— Максим, — окликнула она.

Он остановился, но не повернулся.

— Зачем тебе это? — спросила она. — Зачем тебе играть со мной?

Он молчал долго. Так долго, что она уже думала, что он

не ответит.

— Потому что ты единственная, — сказал он тихо. — Ты единственная, кто может играть так, чтобы я слышал. Не ноты. Что-то другое.

Он вышел, оставляя её стоять в пустом зале.

Кристина смотрела на закрывшуюся дверь, и его слова всё ещё звучали в её голове. «Ты единственная, кто может играть так, чтобы я слышал».

Она не знала, что это было — признание или просто холодный расчёт. Но она чувствовала: он не хотел быть один. И в этом они были похожи.

Она медленно подошла к сцене и села на край.

Она смотрела на пустой зал, на софиты, которые уже начали гаснуть, на длинные тени, которые ложились на паркет. Она думала о том, что сказал Максим. О том, что он тоже чувствует пустоту. О том, что они оба потеряли себя в музыке, которая должна была стать их спасением.

Она не знала, что будет завтра. Но она знала, что будет играть.

Она вышла из концертного зала и направилась к лестнице на второй этаж.

Ноги сами несли её туда, где было тепло и уютно. Где пахло старой электроникой и деревом. Где её ждали.

Она толкнула дверь звуковой будки. Денис сидел за пультом, наушники висели на его шее. Он что-то записывал, перебирая дорожки, и не сразу заметил её. Но когда поднял

глаза, его лицо расплылось в улыбке.

— Кристина! — он снял наушники и повернулся к ней.
— Как прошла репетиция?

Она вошла и села на потёртое кресло, которое скрипнуло под ней.

— Он сказал, что я единственная, кто может играть так, чтобы он слышал, — сказала она. — Не ноты. Что-то другое.

Денис поднял бровь. Он не улыбнулся, но в его глазах было что-то похожее на уважение.

— И что ты чувствуешь?

— Я не знаю, — сказала она. — Я не знаю, что это значит. Может быть, он просто хочет использовать меня. Может быть, он просто не хочет быть один.

— А ты? — спросил Денис. — Ты не хочешь быть одна?

Она задумалась.

— Я хочу, чтобы меня слышали, — сказала она. — По-настоящему. Не как пианистку. Как человека.

Денис смотрел на неё, и в его глазах была та же тёплая уверенность, которую она видела всегда.

— Ты уже слышна, — сказал он. — Ты просто не замечаешь этого.

Она смотрела на него, чувствуя, как внутри неё разливается тепло. Он был единственным, кто никогда не требовал от неё побед. Он просто был рядом. И это было больше, чем она могла просить.

— Я боюсь, — призналась она. — Боюсь, что завтра я не

смогу. Что я снова сломаюсь.

— Тогда попробуй, — сказал он. — Если у тебя не получится — мы придумаем что-то ещё. Но если ты не попробуешь, ты никогда не узнаешь, что могло бы случиться.

Она кивнула. Она знала, что он прав.

— Спасибо, — сказала она. — За то, что ты есть.

Он улыбнулся той же тёплой улыбкой.

— Всегда.

Она вернулась домой, когда солнце уже садилось за горизонт, окрашивая небо в тёплые оранжевые тона.

В квартире было тихо. Кристина сняла куртку, повесила её на вешалку и прошла на кухню. Мать сидела за столом, сложив руки перед собой. Она ждала. Она смотрела на дверь, когда Кристина вошла, и в её глазах был вопрос, который она не решалась задать.

Кристина села напротив. Она чувствовала, как мать смотрит на неё, как её взгляд касается лица, как она пытается прочитать, что произошло сегодня.

— Как прошёл день? — спросила мать тихо.

Кристина молчала. Она смотрела на свои руки, на пальцы, которые всё ещё дрожали после репетиции. Она не знала, с чего начать. Она не знала, как объяснить то, что чувствовала.

— Я видела Максима, — сказала она наконец. — Мы договорились о репетиции. Завтра.

Мать кивнула. Она не задавала вопросов. Она просто слушала.

— Он сказал, что я единственная, кто может играть так, чтобы он слышал, — продолжала Кристина. — Не ноты. Что-то другое.

Она замолчала, собираясь с мыслями. Она смотрела на мать, на её руки, которые лежали на столе, чуть дрожащие. Она видела, как мать пытается сдержать эмоции, как она борется с собой.

— Ты не боишься? — спросила Кристина.

Мать подняла глаза. В них была боль, но уже не та, ледяная, что была раньше. Другая. Тёплая. Понимающая.

— Боюсь, — сказала она. — Я всегда боюсь за тебя. Но я хочу, чтобы ты знала: я горжусь тобой. Даже если ты не выиграешь. Даже если ты не будешь играть. Я горжусь тем, что ты не сдалась.

Кристина смотрела на неё, чувствуя, как слёзы подступают к глазам. Она не плакала. Она просто смотрела и понимала: мать тоже меняется. Не сразу, не легко, но она пытается.

— Я хочу, чтобы ты знала, — сказала Кристина, и голос её дрогнул. — Я играю не для того, чтобы доказать что-то тебе или Максиму. Я играю для себя. Чтобы понять, смогу ли я. Чтобы поставить точку.

Мать протянула руку и сжала ладонь Кристины. Её пальцы были холодными, но прикосновение было тёплым.

— Я понимаю, — сказала она. — Я не знаю, как принять это. Но я понимаю.

Они сидели в тишине, и в этой тишине не было холода.

Только тепло. И надежда. И любовь, которая, как оказалось, всё ещё была между ними.

Кристина поднялась и подошла к матери. Она обняла её — крепко, как в детстве, когда она падала и разбивала коленки, и мать целовала её ранки и говорила: «Всё будет хорошо».

— Всё будет хорошо, — прошептала она. — Я верю.

Мать обняла её в ответ, и в этом объятии было всё. Боль, прощение, надежда.

Позже, когда мать ушла спать, Кристина осталась сидеть на кухне одна.

Она смотрела в окно на ночной город, на огни, которые мерцали в темноте, на звёзды, которые проступали сквозь облака. Она думала о завтрашнем дне. О репетиции. О Максимае. О музыке.

Она не знала, что будет завтра. Не знала, сможет ли играть. Не знала, сможет ли победить свой страх.

Но она знала одно: она не одна. У неё есть мать, которая пытается понять. У неё есть Денис, который верит в неё. У неё есть она сама — та маленькая девочка, которая когда-то хотела быть великой.

Она закрыла глаза и прошептала в тишину:

— Я попробую.

КОНЕЦ ГЛАВЫ 7

ГЛАВА 8: «Белый шум»

Ему восемь лет. Он стоит на сцене.

Зал огромный, люстры сверкают, сотни лиц смотрят на него. Он только что сыграл последний аккорд, и аплодисменты всё ещё гремят в ушах. Он смотрит в первый ряд, где сидит отец.

Виктор Белозёров не аплодирует. Он сидит неподвижно, скрестив руки на груди, и смотрит на сына холодным, оценивающим взглядом. В его глазах нет гордости. Нет тепла. Только расчёт.

Позже, за кулисами, он подходит к нему. Максим ждёт похвалы. Ждёт хотя бы улыбки. Но отец говорит: «Ты допустил три ошибки в третьей части. Ты должен был сыграть лучше. Ты не имеешь права на ошибки, Максим. Ты — Белозёров».

Максим смотрит на свои руки. Они дрожат. Он сделал всё, что мог. Он играл идеально, он выиграл. Но этого было мало. Этого никогда не будет достаточно.

С этого дня он перестал ждать похвалы. Он перестал ждать тепла. Он научился быть идеальным и ничего не чувствовать.

Он открыл глаза.

Потолок был белым, идеально гладким, без единой трещины. Комната была стерильной, как операционная. Никаких лишних вещей, никаких фотографий, никаких следов

жизни. Только скрипка в углу и стопка нот на столе.

Максим лежал неподвижно, глядя в этот белый потолок, и чувствовал пустоту. Она была привычной. Она была частью его, как дыхание. Он научился жить с ней, не замечая её. Но сегодня она была острее, чем обычно. Сегодня она напоминала о себе с новой силой.

Он сел на кровати. В комнате было тихо. Слишком тихо. Он слышал, как внизу отец разговаривает по телефону — голос был холодным, деловым, без эмоций. Он слышал, как мать ходит по дому — тихо, почти беззвучно, как призрак.

Он встал, подошёл к зеркалу. Идеальный костюм, идеальные волосы, идеальное лицо. Никаких эмоций. Он смотрел на своё отражение и не узнавал себя. Кто этот человек? Что он чувствует?

Он не знал ответа.

Он спустился вниз. Отец стоял в холле, держа телефон у уха. Он мельком взглянул на сына.

— Ты сегодня репетируешь? — спросил он.

— Да, — ответил Максим.

— Хорошо. Не подведи меня.

Он отвернулся и продолжил разговор. Максим вышел из дома, не сказав больше ни слова.

Он сел в машину, и водитель тронулся с места. Город проплывал за окном — люди, дома, деревья, машины. Они жили своей жизнью. Они смеялись, разговаривали, чувствовали. Максим смотрел на них и чувствовал себя чужим. Он не

знал, что значит «жить». Он знал только, что значит «выигрывать».

Он думал о ней. О Кристине. О том, как она играла на той репетиции. О том, как её музыка проникала под кожу, заставляя его чувствовать то, что он так долго прятал. Он злился на себя за это. Он не должен был чувствовать. Он должен был быть идеальным.

Но он не мог перестать думать о ней.

Он вошёл в академию, и его встретил привычный шум.

Студенты сновали по коридорам, смеялись, обсуждали что-то. Кто-то бежал по лестнице, чуть не сбив его с ног, но потом, узнав, извинился и отступил. Максим шёл по коридору, и люди расступались перед ним — не из страха, а из уважения к его статусу. Он был Белозёровым. Он был лучшим. Он был тем, кого все знали и боялись.

Но внутри он чувствовал только пустоту.

— Максим!

Он остановился и обернулся. Навстречу ему шёл Андрей — его единственный друг, виолончелист, с которым они учились вместе уже несколько лет. Андрей был высоким, с вечно растрёпанными волосами и тёплой улыбкой, которая появлялась на его лице даже тогда, когда он был уставшим.

— Я вчера видел, как ты уходил из зала, — сказал Андрей, подходя ближе. — Ты репетировал с Никольской? Как прошло?

Максим пожал плечами.

— Нормально, — сказал он холодно.

Андрей смотрел на него с лёгким прищуром. Он был единственным, кто не боялся задавать вопросы.

— Ты выглядишь по-другому, — сказал он. — Что-то случилось?

— Ничего не случилось, — ответил Максим, и голос его стал резче. — Я просто репетирую. Это часть конкурса.

— Ты всегда так говоришь, когда что-то происходит, — Андрей покачал головой. — Ты не умеешь врать, Максим. Ты просто умеешь молчать.

Максим сжал челюсти. Он хотел сказать что-то резкое, что-то, что заставит Андрея отстать. Но слова застряли в горле.

— Она заставила меня почувствовать, — сказал он тихо, почти шёпотом.

Андрей замер.

— Что?

— Она заставила меня почувствовать, — повторил Максим, и голос его дрогнул. — Я не знаю, как это объяснить. Я просто играл, и вдруг я перестал думать о нотах. Я просто... чувствовал.

Андрей смотрел на него долго, внимательно. В его глазах было что-то новое — не удивление, не насмешка. Понимание.

— Ты когда-нибудь перестанешь притворяться? — спросил он тихо. — Ты когда-нибудь перестанешь прятаться за

этой маской?

Максим молчал. Он не знал, что ответить. Он хотел сказать, что он не притворяется. Что он просто такой. Но он знал, что это ложь.

— Мне нужно идти, — сказал он и развернулся.

Он ушёл, оставляя Андрея стоять в коридоре. Он чувствовал его взгляд на своей спине. Но он не обернулся.

Он пришёл в концертный зал за десять минут до назначенного времени.

Зал был пустым. Свет падал с потолка, золотистый и мягкий, оставляя длинные тени на паркете. Максим стоял на сцене, смотрел на рояль и чувствовал странное волнение. Он не знал, чего ждал. Но он знал, что ждал этого момента.

Она пришла ровно в пять.

Он слышал её шаги — тихие, но уверенные. Он не обернулся, пока она не остановилась на входе. Тогда он повернулся и посмотрел на неё.

Она выглядела по-другому. Не как та сломленная девушка, которая пряталась в подвале. Не как та, кто боялась собственной тени. В её взгляде было что-то новое. Решимость. Она смотрела на него не как на врага — как на равного.

— Ты не опоздала, — сказал он.

— Я сказала, что не опоздаю, — ответила она.

Он кивнул и подошёл к стулу, взял в руки скрипку.

— Начнём.

Они начали играть.

Сначала было напряжение. Он давил на неё, требовал играть громче, увереннее. Она сопротивлялась, играла слишком тихо. Они не слышали друг друга. Их музыка была как два голоса, которые кричали в пустоте.

— Ты слишком боишься, — сказал он, останавливаясь. — Ты должна играть так, будто никто не слушает.

Она смотрела на него, и в её глазах была злость. Та самая злость, которую он видел в первый день.

— Тогда ты тоже перестань думать о том, как ты выглядишь, — ответила она. — Просто играй.

Он хотел сказать что-то резкое, но слова застряли в горле. Она была права. Он всегда думал о том, как он выглядит. Он всегда боялся, что кто-то увидит его настоящего.

Он закрыл глаза и сделал глубокий вдох.

— Играй, — сказал он. — Я буду рядом.

Они начали снова.

Она играла по-другому. Она перестала бояться. Она играла так, как будто в зале никого не было. И он чувствовал это. Он чувствовал, как её музыка проникает под кожу, как она заставляет его забыть о нотах, о технике, о победах. Он смотрел на неё — на её руки, на её лицо, на то, как она дышала. И он чувствовал, как его собственное дыхание меняется.

Когда они закончили, в зале повисла тишина.

Они смотрели друг на друга. Максим чувствовал, как внутри него что-то меняется. Он не знал, что это было. Но он знал, что это было важно.

— Ты играла, — сказал он. — По-настоящему.

Она смотрела на него с удивлением. Она не ожидала, что он скажет это.

Она ушла, оставляя его одного в зале.

Он стоял на сцене, сжимая скрипку, и чувствовал, как внутри него что-то дрожит. Он не знал, что это было. Но он знал, что не может перестать думать о ней.

Он остался один в пустом зале.

Свет медленно менялся, становясь более холодным, вечерним. За окнами темнело, и длинные тени выползали из углов, заполняя пространство. Максим стоял на сцене, сжимая скрипку, и чувствовал, как внутри него что-то дрожит.

Он не знал, что это было. Он никогда не чувствовал такого. Он всегда был один. Он всегда был идеальным. Он всегда контролировал всё, что происходило вокруг него. Но сейчас он чувствовал, как контроль ускользает, как что-то внутри него ломается.

Он сел на край сцены, опустив скрипку на колени. Он смотрел в пустой зал и думал о ней.

Он вспомнил их первое столкновение. Тот конкурс, когда они встретились впервые. Он помнил, как смотрел на неё с презрением, как думал, что она просто очередная соперница, которую нужно уничтожить. Но она играла лучше него. Она играла так, что зал замирал. И он ненавидел её за это. Ненавидел за то, что она заставляла его чувствовать.

Он вспомнил, как она сломалась на том конкурсе. Как она

вышла на сцену и просто перестала играть. Как он выиграл, но не чувствовал ничего, кроме пустоты. Как он обвинил её в том, что она украла у него победу. Но на самом деле он злился на себя. Злился за то, что не смог помочь ей.

Он не понимал, почему она так действует на него. Он не знал, почему она заставляет его чувствовать то, что он так долго прятал. Но он знал, что не может перестать думать о ней.

Он закрыл глаза.

Ей четырнадцать, ему пятнадцать. Он стоит за кулисами, слушая её игру. Она играет лучше него. Он чувствует, как внутри него закипает злость. Но в этой злости есть что-то ещё. Что-то, что он не может назвать. Он смотрит на её руки, на её лицо, на то, как она дышит. И он понимает, что она — единственная, кто может заставить его чувствовать.

Он открыл глаза и посмотрел на свои руки. Они дрожали. Он не знал, что с ним происходит. Но он знал, что не может остановиться.

Он остался один в пустом зале после того, как Кристина ушла.

Он уже собирался уходить, когда услышал шаги.

Они были лёгкими, уверенными, цокали по паркету, как каблук по мрамору. Он не обернулся — знал, кто это.

— Максим, — раздался голос, прохладный, ровный, без тени эмоций. — Я искала тебя.

Он медленно повернулся. В дверях зала стояла Анжелика.

Она была одета в идеальное платье, волосы уложены с той же безупречностью, с которой он привык видеть её каждый раз. Она улыбалась — но улыбка была холодной, как лёд.

— Я слышала, ты репетируешь с Никольской, — сказала она, подходя ближе. В её голосе не было вопроса — была констатация факта, смешанная с лёгким оттенком презрения. — Интересно. Я думала, ты не опускаешься до уровня проигравших.

Максим сжал скрипку. Ему хотелось сказать что-то резкое, но он сдержался.

— Она не проигравшая, — сказал он холодно. — И это не твоё дело.

Анжелика подошла к нему, остановилась рядом. От неё пахло дорогими духами, которые всегда казались ему резкими. Она смотрела на него сверху вниз (на каблуках она была почти с ним одного роста), и в её глазах была лёгкая усмешка.

— О, я вижу, — сказала она. — Ты уже защищаешь её. Это забавно, Максим. Ты, который никогда никого не защищал. Ты, который всегда был ледяным. И вдруг — эта девочка из грязи, которая даже не умеет побеждать.

Она покачала головой, и в её движении было столько фальшивой жалости, что Максиму захотелось отвернуться.

— Ты не знаешь её, — сказал он. — И ты не знаешь меня. Анжелика усмехнулась.

— Я знаю тебя лучше, чем ты думаешь. Ты — Белозёров.

Ты — лучший. Ты не имеешь права проигрывать. И ты не имеешь права связываться с теми, кто может тебя уничтожить.

Она коснулась его плеча, но он отшатнулся. Её рука замерла в воздухе.

— Ты злишься, — сказала она спокойно. — Но я говорю тебе это для твоего же блага. Эта Никольская — она разрушит тебя. Она уже разрушила себя. Её карьера мертва. Не позволяй ей затянуть тебя в своё падение.

— Я сам решу, что мне делать, — сказал Максим, и голос его стал твёрже. — Ты не моя мать. И ты не моя невеста. Ты — просто человек, с которым меня связывают обязательства. Не больше.

Она смотрела на него, и в её глазах мелькнуло что-то — может быть, злость, может быть, обида. Но она быстро взяла себя в руки.

— Как скажешь, — сказала она, разворачиваясь. — Но ты пожалеешь об этом. И когда это случится, я не буду рядом, чтобы спасти тебя.

Она ушла, оставляя за собой шлейф дорогих духов и холодных слов. Максим стоял на сцене, сжимая скрипку, и чувствовал, как внутри него закипает злость.

Он не хотел думать о ней. Он хотел думать о Кристине.

Он закрыл глаза, и её лицо всплыло перед ним. Она — живая, настоящая, не боящаяся быть неидеальной. Она — единственная, кто заставляет его чувствовать.

Он открыл глаза и посмотрел на дверь, за которой исчезла Анжелика.

Он знал, что она была права в одном: Кристина могла разрушить его. Но он также знал, что без неё он уже был разрушен.

Он вернулся домой, когда за окнами уже стемнело.

Особняк встретил его тишиной — той особенной, тягучей тишиной, которая всегда стояла в этом доме, как будто воздух был ватным, глухим, не пропускающим звуков. Максим снял пальто, повесил его на вешалку, и его шаги эхом разнеслись по мраморному полу прихожей.

Он уже собирался подняться в свою комнату, когда услышал голос из гостиной.

— Максим.

Он остановился и повернул голову. В дверях гостиной стояла его мать, Татьяна. Она была одета в длинное платье, как всегда безупречное, волосы уложены, лицо спокойное — идеальная картина светской львицы. Но в её глазах была та же пустота, которую он видел каждый день.

— Ты сегодня поздно, — сказала она, подходя ближе. — Репетировал?

— Да, — ответил он коротко.

Она остановилась напротив него. Её руки были сложены перед собой, пальцы сжаты, как будто она боялась, что они начнут дрожать. Она смотрела на него, и в её взгляде было что-то, чего он не видел раньше. Беспокойство.

— Ты выглядишь уставшим, Максим, — сказала она. — Ты должен отдыхать.

Он усмехнулся — коротко, без тепла.

— Отец не разрешает отдыхать.

Мать смотрела на него, и в её глазах мелькнула боль. Она хотела сказать что-то, но, как всегда, не решилась. Она просто стояла и смотрела, беспомощная в своей идеальной оболочке.

— Он хочет, чтобы ты выиграл, — сказала она наконец.

— Он всегда хотел, чтобы ты был лучшим.

— Я знаю, — сказал Максим. — Я всегда это знал.

Он хотел уйти. Но что-то остановило его. Он посмотрел на мать — на её бледное лицо, на тени под глазами, которые она тщательно скрывала косметикой. Он вдруг понял, что она такая же, как он. Запертая в этой золотой клетке, идеальная, но пустая.

— Мам, — сказал он тихо. — Ты когда-нибудь хотела, чтобы тебя просто любили?

Она замерла. Её руки дрогнули.

— Что ты сказал? — переспросила она.

— Я спросил, хотела ли ты когда-нибудь, чтобы тебя просто любили. Без условий, без побед, без идеальности.

Она смотрела на него, и в её глазах блеснули слёзы. Она не плакала — она не позволяла себе плакать. Но слёзы были там, готовые прорваться.

— Я не знаю, — сказала она тихо. — Я давно забыла, что

это такое.

Максим смотрел на неё, и внутри него что-то дрогнуло. Он хотел сказать что-то ещё, но слова застряли в горле. Он развернулся и пошёл к лестнице.

— Максим, — окликнула она.

Он остановился.

— Что бы ни случилось, — сказала она. — Я горжусь тобой. Я всегда гордилась тобой. Даже если не умела это показывать.

Он не обернулся. Он просто пошёл дальше, поднимаясь по лестнице, чувствуя, как её слова оседают внутри него, как что-то тёплое и болезненное одновременно.

В своей комнате он закрыл дверь и прислонился к ней спиной.

Он смотрел на скрипку, которая стояла в углу. Она была его единственным другом, его единственным утешением. Он подошёл к ней, взял в руки, провёл пальцами по струнам.

Он начал играть.

Не для победы. Не для отца. Не для академии. Просто для себя. Он играл так, как никогда не играл. Грубо, неидеально, с ошибками. Он играл то, что чувствовал — пустоту, боль, страх, надежду. Он играл о ней. О Кристине. О том, как она смотрела на него сегодня. О том, как она играла, не боясь ошибок.

Он остановился, чувствуя, как струны вибрируют под пальцами.

Он смотрел на свои руки. Они дрожали. Но в этом дрожании была жизнь. Он чувствовал её. Он чувствовал, как внутри него что-то меняется, как трещина в стене, которую он строил годами, начинает расти.

Он положил скрипку и сел на кровать.

Он думал о завтрашнем дне. О третьей репетиции. Он знал, что завтра всё изменится. Он не знал, как, но чувствовал это.

Он лёг, глядя в белый потолок, и прошептал в тишину:

— Завтра я попробую играть по-настоящему. Не для победы. Для неё.

Он закрыл глаза.

Впервые за долгие годы он заснул с мыслью не о победе, а о человеке.

КОНЕЦ ГЛАВЫ 8

ГЛАВА 9: «Первый шаг»

Она проснулась оттого, что за окном было тихо.

Не от звука, не от света, не от привычной тяжести. От тишины. Глубокой, утренней, как вода в колодце, в которую смотришь и не видишь дна. Кристина лежала неподвижно, глядя в потолок, и чувствовала, как внутри неё что-то изменилось. Не уверенность, нет. Но что-то похожее на готовность.

Она повернула голову и посмотрела на стол.

Там лежали книги — стопка нот, которую она когда-то ненавидела, и стопка книг по праву, которую она когда-то прятала под кроватью. Теперь они лежали рядом, как два мира, которые она пыталась соединить. Она смотрела на них, и впервые они не вызывали у неё отвращения. Они были частью её. Обе.

Она вспомнила вчерашний вечер. Как она сидела за столом и заполняла анкету на онлайн-курсы по праву. Как её пальцы дрожали, когда она нажимала «Отправить». Как она не сказала матери. Это была её тайна. Её первый шаг к той жизни, которую она хотела прожить.

Она села на кровати, чувствуя, как холодный воздух касается её кожи. Она смотрела на книги по праву и думала о том, сколько раз она прятала их, сколько раз боялась, что кто-то увидит их. Теперь они лежали открыто. Она не хотела

больше прятаться.

Она встала, подошла к столу и взяла в руки одну из книг. «Гражданское право. Общая часть». Она провела пальцами по обложке, чувствуя, как бумага шершавит кожу. Она открыла её на закладке — старой, потёртой, которая держалась уже несколько лет. Она прочитала несколько строк, и слова успокоили её, как голос старого друга.

Она закрыла книгу и положила её обратно. Ей нужно было идти в академию. Сегодня была репетиция.

Она вышла из дома, чувствуя, как холодный ветер касается её лица.

Она не взяла с собой ноты. Она взяла старые конспекты по праву, которые нашла случайно, когда собирала сумку. Они лежали в её рюкзаке, как напоминание о том, кто она есть. Она шла по улице, чувствуя, как её шаги становятся увереннее.

Она села в автобус и достала конспекты. Она читала их, чувствуя, как слова ложатся в голове ровно, как они создают мир, в котором всё было понятно и чётко. Она думала о том, что однажды она будет жить в этом мире. Мире, где она будет помогать людям, защищать их, бороться за справедливость.

Автобус остановился. Она вышла и пошла по улице, чувствуя, как внутри неё растёт что-то новое. Она увидела объявление на остановке: «Юридические курсы. Набор на новый семестр». Она остановилась и сфотографировала его. Она не знала, зачем, но чувствовала, что это важно.

Она убрала телефон и пошла дальше.

Она вошла в академию и направилась в концертный зал. Он уже был там. Он стоял на сцене, спиной к ней, держа скрипку в руках. Он не обернулся, когда она вошла, но она знала: он слышал её шаги. Он всегда слышал её шаги.

Она поднялась на сцену, села за рояль. Она не боялась. Она просто хотела играть.

— Начнём, — сказала она, и голос её звучал ровно.

Он повернулся и посмотрел на неё. В его глазах не было холода. Только напряжение.

— Начнём, — сказал он.

Она положила руки на клавиши и начала играть.

Она играла.

И впервые за долгое время она не думала о том, как она выглядит, о том, что он думает о ней. Она не боялась ошибок. Она просто позволяла пальцам двигаться, позволяя музыке рождаться из того, что она чувствовала — страха, надежды, злости, желания.

Она чувствовала, как её игра становится другой. Более свободной. Более живой. Она не пыталась быть идеальной. Она просто играла.

Максим смотрел на неё, не играя. Он держал скрипку в руках, но не подносил смычок к струнам. Он просто смотрел на неё, как будто видел в первый раз.

Она закончила и подняла голову. Их глаза встретились.

— Ты сегодня другая, — сказал он, и голос его был глу-

хим.

Она смотрела на него, чувствуя, как внутри неё что-то дрожит. Она не знала, что это было — страх, надежда, что-то другое. Она знала только, что не боится его.

— Я перестала бояться, — сказала она, и голос её звучал ровно. — Я поняла, что музыка — это не моя тюрьма. Это мой выбор. Я могу играть, когда хочу. И я могу уйти, когда захочу.

Он смотрел на неё, и в его глазах не было холода. Только вопрос, на который у него не было ответа.

— Ты уйдёшь? — спросил он.

Она не знала, что ответить. Она не знала, уйдёт ли она. Она знала только, что хочет иметь выбор.

— Я не знаю, — сказала она. — Но я хочу знать, что я могу уйти. Что я не обязана быть здесь, если не хочу.

Он молчал. Он не сказал ни слова. Но она видела, как его руки дрожат. Она видела, как он пытается сдержать то, что рвётся наружу.

— Тогда играй, — сказал он. — Играй так, как будто ты можешь уйти.

Она положила руки на клавиши и начала играть снова. Он поднял скрипку и начал играть вместе с ней. Их музыка звучала в пустом зале, и она чувствовала, как она переплетается с его, как они создают что-то общее. Не идеальное, не безупречное. Но живое.

Она чувствовала, как её музыка становится его голосом.

И она знала: он тоже ищет выход. Он тоже хочет уйти.

Когда они закончили, она посмотрела на него. Он смотрел на неё, и в его глазах было что-то новое. Не холод, не вопрос. Понимание.

— Ты изменилась, — сказал он. — Ты стала другой.

— Я просто стала собой, — сказала она.

Она вышла из концертного зала и направилась к лестнице на второй этаж. Ей нужно было поделиться этим с кем-то. Она толкнула дверь звуковой будки.

Денис сидел за пультом, наушники висели на его шее. Он что-то записывал, перебирая дорожки, и когда она вошла, он поднял голову и улыбнулся.

— Кристина! — он снял наушники. — Ты выглядишь иначе. Что-то случилось?

Она села на потёртое кресло, чувствуя, как внутри неё всё ещё дрожит музыка.

— Я играла, — сказала она. — По-настоящему. Я не боялась.

Денис смотрел на неё, и в его глазах была гордость.

— Я знал, что ты сможешь, — сказал он. — Я всегда знал.

Она улыбнулась. Потом достала из рюкзака старые конспекты по праву и показала ему.

— Я начала заниматься правом, — сказала она. — Я записалась на онлайн-курсы. Это моя мечта.

Денис взял конспекты в руки, посмотрел на них, потом поднял глаза на неё.

— Ты не перестаёшь меня удивлять, — сказал он. — Ты хочешь быть и пианисткой, и юристом?

— Я хочу быть собой, — сказала она. — И я хочу, чтобы у меня был выбор. Я не хочу, чтобы музыка была моей тюрьмой. Я хочу, чтобы она была моим выбором.

Денис смотрел на неё, и в его глазах было уважение.

— Это правильно, — сказал он. — Ты не должна выбирать между тем, что ты любишь, и тем, кто ты есть. Ты можешь быть и тем, и другим.

Она смотрела на него, чувствуя, как его слова оседают внутри неё, как они находят отклик в той части, которую она так долго прятала.

— Спасибо, — сказала она. — За то, что ты есть.

Он улыбнулся той же тёплой улыбкой.

— Всегда.

Она вернулась домой, когда солнце уже садилось за горизонт, окрашивая небо в тёплые оранжевые тона.

В квартире пахло ужином. Кристина сняла куртку, повесила её на вешалку и прошла на кухню. Мать стояла у плиты, помешивая что-то в кастрюле. Она обернулась, когда услышала шаги, и в её глазах не было ни холода, ни тревоги. Только тихое, спокойное ожидание.

— Садись, — сказала она. — Я скоро закончу.

Кристина села за стол. Она смотрела на мать, на её руки, которые двигались уверенно и спокойно. Она думала о том, как много они пережили вместе. О том, как мать жертвовала

собой ради её мечты. И о том, что теперь эта мечта стала её собственной.

Мать села напротив, и они начали есть. В тишине, которая уже не была холодной.

— Я записалась на онлайн-курсы по праву, — сказала Кристина, и голос её звучал ровно, но внутри всё дрожало. — Я хочу учиться. Я хочу быть юристом. Но я также хочу играть. Не для победы. Для себя.

Мать смотрела на неё долго, внимательно. В её глазах не было страха, не было тревоги. Только понимание.

— Я знаю, — сказала она. — Я видела твои книги на столе. Ты больше не прячешь их.

Кристина смотрела на мать, чувствуя, как внутри неё что-то отпускает.

— Я не хочу выбирать между музыкой и правом, — сказала она. — Я хочу быть и тем, и другим.

Мать протянула руку через стол и сжала ладонь Кристины. Её пальцы были тёплыми.

— Ты не должна выбирать, — сказала она. — Ты должна выбрать себя. И если ты хочешь быть и пианисткой, и юристом — будь. Я буду рядом.

Кристина чувствовала, как слёзы подступают к глазам. Она не плакала. Она просто смотрела на мать и чувствовала, как внутри неё что-то меняется.

— Спасибо, мама, — сказала она.

Мать улыбнулась — слабо, но искренне.

— Я всегда буду рядом, дочка. Что бы ты ни выбрала.

Позже, когда мать ушла спать, Кристина осталась сидеть на кухне одна.

Она смотрела в окно на ночной город, на огни, которые мерцали в темноте. Она думала о сегодняшнем дне. О репетиции, о том, как она играла и не боялась. О Денисе, который всегда верил в неё. О матери, которая приняла её выбор.

Она встала, подошла к столу и взяла в руки книгу по праву. Она открыла её на закладке и прочитала несколько строк. Слова ложились в голову ровно, успокаивающе. Она закрыла книгу и посмотрела в окно.

За стеклом горели огни города. Тысячи окон, тысячи людей, тысячи жизней. И она знала: она тоже будет жить свою жизнь. Свою, а не чужую.

Она открыла ноутбук и начала смотреть лекцию по праву. Она улыбалась, чувствуя, как внутри неё растёт что-то новое. Не страх, не сомнение. Решимость.

Она смотрела на экран, чувствуя, как внутри неё бьётся что-то важное. Она не знала, что будет завтра. Но она знала, что не остановится.

КОНЕЦ ГЛАВЫ 9

ГЛАВА 10: «Два мира»

Она проснулась оттого, что за окном было светло.

Не от звука, не от привычной тяжести — от света. Солнечные лучи пробивались сквозь грязное стекло, ложились на пол золотистыми полосами, и комната, которая всегда казалась ей серой и тесной, вдруг стала другой. Тёплой. Почти живой.

Кристина лежала неподвижно, глядя в потолок, и чувствовала, как внутри неё что-то изменилось. Не уверенность, нет. Но что-то похожее на готовность.

Она повернула голову и посмотрела на стол.

Там лежали две стопки. Ноты — старые, потрёпанные, с загнутыми углами. И книги по праву — такие же старые, но аккуратные, с закладками на нужных страницах. Раньше она прятала их под кроватью, боялась, что кто-то увидит. Теперь они лежали открыто, рядом, как два мира, которые она перестала разделять.

Она села на кровати, чувствуя, как прохладный воздух касается кожи. Она встала, подошла к столу и взяла в руки книгу по праву. «Гражданское право. Общая часть». Она открыла её на закладке — старой, потёртой, которая держалась уже несколько лет. Она прочитала несколько строк, и слова успокоили её, как голос старого друга.

Она закрыла книгу и положила её обратно. Она чувство-

вала, что может быть и тем, и другим. Но внутри неё всё ещё была тревога. Она не знала, откуда она взялась. Но она была здесь.

Она оделась, вышла на кухню. На столе лежала записка, прижатая магнитом в виде красного яблока. Она взяла её в руки, развернула.

«Дочка, я верю в тебя. Мама»

Она улыбнулась и убрала записку в карман куртки.

Она вышла из дома, чувствуя, как холодный ветер касается её лица. Небо было ясным, но воздух был колючим, как будто осень уже решила, что зима не за горами. Она шла по улице, сжимая в руках старые конспекты по праву, которые нашла случайно, когда собирала сумку.

Она села в автобус и достала конспекты. Она читала их, чувствуя, как слова ложатся в голове ровно, как они создают мир, в котором всё было понятно и чётко. Она думала о том, что однажды она будет жить в этом мире. Мире, где она будет помогать людям, защищать их, бороться за справедливость.

Но вдруг её мысли переключились.

Она вспомнила тот день. Ей было семнадцать. Она шла по коридору после победы, чувствуя, как адреналин всё ещё бурлит в крови. И вдруг он появился перед ней.

— Ты думаешь, что ты особенная? — спросил он.

Она остановилась. Он стоял у стены, сжимая скрипку, и смотрел на неё с тем же холодным вызовом, который она помнила всегда.

— Я не думаю, — сказала она. — Я знаю.

Он усмехнулся — коротко, без тепла.

— Работаешь? Или тебе просто повезло родиться с талантом? Удача — не достижение.

Она смотрела на него, чувствуя, как внутри неё закипает знакомая злость.

— Ты бы хотел, чтобы я была просто удачливой, — сказала она. — Тогда твои поражения были бы не твоей виной.

Он шагнул к ней ближе. Она не отступила.

— Я не проигрываю, — сказал он. — Я просто жду, когда ты ошибёшься.

Она смотрела на него, чувствуя, как его слова проникают под кожу.

— Ты можешь ждать сколько угодно, — сказала она. — Но я не ошибаюсь, когда это важно.

Она развернулась и ушла, не оглядываясь. Но она помнила этот момент. Она помнила, как он смотрел на неё. Как он хотел задеть её, но она чувствовала, что он просто не знает, как иначе.

Она вынырнула из воспоминания, чувствуя, как внутри неё всё ещё дрожит тот разговор. Она не знала, почему она вспомнила это сейчас. Но она знала, что это было важно.

Она убрала конспекты в рюкзак и посмотрела в окно. Город проплывал мимо — серый, холодный, равнодушный. Но внутри неё было что-то новое. Не злость, не страх. Решимость.

Она вышла из автобуса и пошла к академии.

Она вошла в концертный зал, и её шаги эхом разнеслись по пустому пространству.

Свет падал с потолка, холодный и ровный, оставляя длинные тени на паркете. Рояль стоял на сцене, блестящий, как чёрное зеркало. А рядом с ним, у края сцены, стоял Максим.

Он уже был здесь. Он стоял спиной к ней, держа скрипку в руках, и что-то настраивал. Она подошла ближе, и он наконец обернулся. Его глаза скользнули по ней — холодные, оценивающие, как у человека, который привык видеть в других только ошибки.

— Ты сегодня рано, — сказал он, и голос его звучал ровно, без эмоций.

— Я не опоздала, — ответила она. — Я просто пришла вовремя.

Он усмехнулся — коротко, без тепла.

— Ладно. Начнём.

Она села за рояль, положила руки на клавиши. Он поднёс скрипку к плечу, и они начали играть.

Сначала всё шло как обычно. Они играли, но между ними висело напряжение, которое они оба пытались игнорировать. Она чувствовала, как он давит на неё, как он требует, чтобы она играла громче, быстрее, увереннее. Она сопротивлялась, но не так, как раньше — она не боялась.

Он остановился в середине пассажа.

— Ты сегодня играешь иначе, — сказал он, и в его голосе

была лёгкая насмешка. — Слишком свободно. Как будто ты не боишься ошибиться.

Она подняла голову и посмотрела на него.

— А ты — слишком напряжённо, — ответила она. — Как будто ты боишься ошибиться. Или что я ошибусь и ты останешься один на сцене.

Он смотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то — может быть, удивление, может быть, раздражение.

— Я не боюсь ошибиться, — сказал он. — Я боюсь, что ты перестанешь бояться.

Она смотрела на него, чувствуя, как внутри неё закипает злость.

— А ты не боишься, что если я перестану бояться, я тебя догоню?

Он шагнул к ней, остановившись на расстоянии вытянутой руки.

— Ты уже догнала, — сказал он, и голос его стал тише. — И это меня бесит.

Она смотрела на него, чувствуя, как его слова оседают внутри неё. Она не знала, что это было — вызов, признание, что-то другое. Она знала только, что не может отвести взгляд.

— Тогда привыкай, — сказала она. — Потому что я не собираюсь останавливаться.

Он усмехнулся — не зло, а с лёгкой горечью.

— Я и не просил тебя останавливаться, — сказал он. — Я

просто хочу знать, что будет, когда ты догонишь.

Она не ответила. Она просто смотрела на него, чувствуя, как между ними повисает что-то новое. Она не знала, что это было. Но она знала, что не хочет, чтобы это заканчивалось.

Он первым отвёл взгляд.

— Завтра в пять, — сказал он.

— Я знаю, — ответила она.

Она встала из-за рояля и вышла из зала, чувствуя, как его взгляд прожигает ей спину. Она не обернулась.

Она вышла в коридор, чувствуя, как её дыхание сбивается. Она не знала, что это было — злость, напряжение, что-то другое. Она знала только, что не может оставаться рядом с ним.

Она услышала его шаги за спиной. Он вышел следом.

— Кристина, — сказал он.

Она остановилась, но не обернулась.

— Ты не должна приходить завтра, если не хочешь, — сказал он, и голос его был глухим.

Она медленно повернулась и посмотрела на него.

— Я приду, — сказала она. — Потому что я хочу.

Она развернулась и пошла прочь, чувствуя, как его слова повисли в воздухе. Она не знала, что он чувствовал. Но она знала, что не хочет, чтобы это заканчивалось.

Она пошла к Денису, сама не зная зачем.

Ноги сами несли её по лестнице на второй этаж, мимо классов, мимо студентов, которые уже начали заполнять ака-

демию. Ей нужно было отвлечься. Ей нужно было перестать чувствовать его взгляд на своей спине.

Она толкнула дверь звуковой будки.

Денис сидел за пультом, наушники висели на его шее. Он что-то записывал, перебирая дорожки, и когда она вошла, он поднял голову и улыбнулся той же тёплой, открытой улыбкой.

— Кристина, — сказал он. — Ты как раз вовремя. Я хочу тебе кое-что показать.

Она села на потёртое кресло, чувствуя, как напряжение начинает отпускать. Он протянул ей наушники.

— Послушай.

Она надела их. Сначала был шум — лёгкий, как дыхание. Потом — звук пианино. Неидеальный, но живой. Чистый.

— Это моя сестра, — сказал Денис. — Я записываю её игру. Она играет как ты когда-то. Без страха.

Она слушала, чувствуя, как музыка проникает внутрь неё. Она была другой — не такой, как та, которую играли в академии. Она была свободной. Она сняла наушники и посмотрела на него.

— Ей сколько лет?

— Десять, — сказал он. — Она мечтает стать пианисткой. И она не знает, что такое страх. Я хочу, чтобы она никогда не узнала.

Она смотрела на него, чувствуя, как его слова оседают внутри неё.

— Ты хороший брат, — сказала она.

Он пожал плечами.

— Я просто хочу, чтобы у неё была жизнь, которой у меня никогда не было. Я не хочу, чтобы она боялась.

— Ты тоже когда-то боялся? — спросила она.

Он посмотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то, чего она раньше не видела.

— Я боялся, что у меня нет таланта, — сказал он. — Что я никогда не стану настоящим музыкантом. Я смотрел на таких, как ты, и думал: «Я никогда не буду так играть. Зачем я здесь?»

Она смотрела на него, чувствуя, как его слова находят отклик в ней.

— Но ты остался, — сказала она.

— Потому что я понял: я не должен быть гением, — сказал он. — Я должен быть собой. И если я буду делать то, что люблю, я найду свой путь. Даже если я никогда не выйду на сцену.

— Это тяжело — быть собой, — сказала она.

— Тяжело, — согласился он. — Но это единственный способ быть счастливым.

Она смотрела на него, чувствуя, как внутри неё что-то меняется. Она видела его настоящего — человека, который тоже боялся, который тоже сомневался, но продолжал идти.

— Как её зовут? — спросила она.

— Аня, — сказал он. — Аня Громова. Ей ещё предстоит

узнать, какой может быть эта жизнь. Но я рядом. Пока я рядом, она не узнает страха.

Она смотрела на него, и внутри неё разрасталось что-то тёплое. Она не знала, что это было — надежда, вдохновение, что-то другое. Но она чувствовала, что это важно.

Она улыбнулась, и впервые за долгое время улыбка была искренней.

— Ты изменил меня, — сказала она. — Ты показал мне, что можно быть собой. Даже когда страшно.

Он улыбнулся той же тёплой улыбкой.

— Ты изменила меня, — сказал он. — Ты показала мне, что можно бороться. Даже когда кажется, что всё потеряно.

Они сидели в тишине, и эта тишина была тёплой, как объятие после долгой разлуки. Она чувствовала, как внутри неё успокаивается то, что бурлило. Она не знала, что будет дальше. Но она знала, что не одна.

Она не заметила, как в коридоре за дверью появилась тень.

Она не заметила, как он остановился у входа и посмотрел на них.

Она не заметила, как его челюсти сжались, когда он увидел, как она улыбается Денису.

Она не заметила, как он развернулся и ушёл, не сказав ни слова.

А он заметил всё.

Она не знала, что он видел их.

Она вышла от Дениса, чувствуя, как внутри неё успокаивается то, что бурлило. Она шла по коридору, и её мысли были заняты тем, что он сказал: «Я не должен быть гением. Я должен быть собой». Она думала об Ане, о её игре, о том, как Денис хотел защитить её от страха.

Она вышла из академии и достала телефон. Набрала номер Лены.

— Ты можешь встретиться? — спросила она.

— Через час, — ответила Лена. — Я буду в кафе.

Кафе «Уголок» было почти пустым. Кристина сидела у окна, глядя на серое небо, и чувствовала, как внутри неё всё ещё дрожит что-то, чему она не могла найти названия. Она заказала чай, но не пила его. Она просто смотрела на пар, который поднимался над чашкой, и ждала.

Лена вошла через десять минут. Она села напротив, сняла куртку и сразу посмотрела на Кристину внимательно, изучающе.

— Ты выглядишь по-другому, — сказала она. — Спокойнее. Что-то изменилось?

Кристина смотрела на неё, чувствуя, как внутри неё разливается что-то тёплое. Она не знала, с чего начать. Она не знала, как объяснить то, что чувствовала.

— Я нашла способ быть собой, — сказала она. — Я играю, но я учусь на юриста. Я не выбираю между музыкой и правом. Я могу быть и тем, и другим.

Лена смотрела на неё, и в её глазах была гордость.

— Это круто, — сказала она. — Ты наконец-то нашла свой путь.

— Я не знаю, куда он ведёт, — сказала Кристина. — Но я знаю, что не хочу останавливаться.

Лена наклонилась вперёд, опираясь локтями о стол.

— Ты выглядишь спокойной, — сказала она. — Но я вижу, что ты всё ещё чем-то взволнована. Ты говоришь о нём?

Кристина отвела взгляд.

— Я не хочу говорить о нём, — сказала она. — Просто... он есть. И я не знаю, что с этим делать.

— Тогда реши, хочешь ли ты быть рядом с ним, — сказала Лена. — Ты не должна решать всё сразу. Но ты должна понять, что ты чувствуешь.

Кристина смотрела на неё, и внутри неё что-то дрогнуло.

— Я не знаю, что я чувствую, — сказала она. — Я злюсь на него. Я хочу быть рядом с ним. Я хочу, чтобы он перестал быть тем, кем его сделали.

— Ты не можешь изменить его, Кристина, — сказала Лена. — Ты можешь быть рядом. Но ты не можешь спасти его, если он сам не захочет.

Кристина молчала. Она знала, что Лена права. Она всегда была права.

— Я знаю, — сказала она. — Но я не могу просто уйти.

— Ты и не должна, — сказала Лена. — Ты должна просто быть. А дальше — посмотрим.

Она вернулась домой, когда уже стемнело.

В квартире было тихо. Мать сидела на кухне, читала книгу. Она подняла голову, когда Кристина вошла, и улыбнулась.

— Ты сегодня поздно, — сказала она.

— Я была с Леной, — сказала Кристина. — И с Денисом.

Мать кивнула, не задавая вопросов. Кристина села на кухне, чувствуя, как внутри неё успокаивается то, что бурлило.

Она думала о сегодняшнем дне. О репетиции, о колкостях, о том, как он сказал: «Ты уже догнала». О Денисе, о его сестре, о том, как он хотел защитить её от страха. О Лене, которая сказала: «Ты не можешь изменить его».

Она не знала, что будет завтра. Не знала, сможет ли играть так же свободно. Не знала, сможет ли перестать думать о нём.

Но она знала, что не остановится.

Она взяла в руки книгу по праву, открыла её на закладке и начала читать. Слова ложились в голову ровно, успокаивающе. Она чувствовала, как внутри неё растёт что-то новое. Не уверенность, нет. Но что-то похожее на спокойствие.

Она закрыла книгу и посмотрела в окно. За стеклом горели огни города. Тысячи окон, тысячи людей, тысячи жизней. И она знала: она тоже будет жить свою жизнь. Свою, а не чужую.

Она улыбнулась и продолжила читать.

КОНЕЦ ГЛАВЫ 10

ГЛАВА 11: «Голос отца»

Она заметила объявление случайно.

Не потому что искала его. Не потому что кто-то сказал ей. Она просто шла по коридору, как делала это каждое утро, и вдруг её взгляд зацепился за знакомую фамилию. Крупные буквы, напечатанные на официальной бумаге, с гербом академии в углу.

«ПРИГЛАШЁННЫЙ ЛЕКТОР — ВИКТОР БЕЛОЗЁРОВ, НАРОДНЫЙ АРТИСТ, ДИРИЖЁР».

Кристина остановилась как вкопанная.

Она смотрела на эти буквы, и внутри неё что-то дрогнуло. Она не видела его никогда, но она знала его имя. Она знала, что он сделал с Максимом. Она знала, что он — причина той пустоты, которую она видела в его глазах.

Она смотрела на фотографию, прикреплённую к объявлению: мужчина лет пятидесяти, с сединой на висках, с холодными глазами, в которых не было ни тепла, ни жизни. Он был похож на Максима — тот же разрез глаз, та же линия губ. Но в его взгляде было что-то другое. Власть. Уверенность. Она смотрела на него и понимала, откуда у Максима эта холодность.

Она стояла так долго, что почти не заметила, как кто-то прошёл мимо и задел её плечом.

— Извини, — сказал голос, но в нём не было извинения.

Она обернулась. Студент, которого она не знала, смотрел на неё с лёгкой усмешкой. Рядом с ним стояли ещё двое — они перешёптывались, глядя на неё.

— Ты всё ещё репетируешь с Белозёровым? — спросил он, и голос его был громче, чем нужно.

Она смотрела на него, чувствуя, как внутри неё закипает злость. Она хотела пройти мимо, но он не убирался с дороги.

— Ты думаешь, что сможешь стать его уровня? — продолжал он. — Она просто очередная его игрушка. Он использует её и выбросит.

Она сжала кулаки, но не ответила. Она просто прошла мимо, чувствуя, как их слова впиваются в спину, как иглы.

Она вошла в класс и села за рояль.

Преподаватель дал задание — сыграть отрывок из Бетховена. Она знала эту пьесу наизусть. Она играла её сотни раз. Но сегодня её пальцы дрожали.

Она начала играть. Сначала — хорошо, уверенно. Она чувствовала, как музыка течёт через пальцы, как она заполняет пространство. Она почти забыла о том, что произошло в коридоре.

Но она слышала, как одноклассники перешёптываются за её спиной. Обрывки фраз: «Она думает, что сможет стать его уровня», «Она просто очередная его игрушка».

Она сбилась.

Фальшивая нота — резкая, как трещина на гладкой поверхности. Она остановилась, чувствуя, как её пальцы дро-

жат. Страх вернулся. Тот самый, который она думала, что победила. Он сжал её горло, не давая дышать.

Она слышала, как кто-то усмехнулся в классе. Преподаватель смотрел на неё с лёгким раздражением.

— Никольская, вы сегодня не в форме? — спросил он.

Она сделала глубокий вдох. Она закрыла глаза на мгновение, чувствуя, как внутри неё борется страх и злость. Она не позволит им победить.

Она начала играть снова.

На этот раз она не думала о том, что говорят за спиной. Она не думала о Максиме, о его отце, о подколах. Она просто играла. Она закончила отрывок — идеально, без ошибок. Она чувствовала, как её сердце колотится, но она не показала этого.

Преподаватель кивнул: «Хорошо».

Она опустила руки и почувствовала, как внутри неё отпускает что-то, что она сжимала слишком долго.

Она вышла из класса, чувствуя, как внутри неё всё ещё дрожит та фальшивая нота. Она справилась, но осадок остался. Она сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

Она почти дошла до конца коридора, когда увидела его.

Виктор Белозёров стоял у окна и разговаривал с директором. Он был выше, чем она ожидала, и его присутствие заполняло всё пространство. Он был похож на Максима — тот же разрез глаз, та же линия губ — но в нём не было пустоты.

Была власть. Уверенность. Холодная, как лёд.

Она хотела пройти мимо, но он заметил её. Его взгляд скользнул по её лицу, задержался на мгновение, и она почувствовала, как он оценивает её. Она не знала, что он видит. Но она чувствовала, как его взгляд проникает под кожу.

Он прервал разговор с директором и подошёл к ней. Его шаги были уверенными, как у человека, который знает, что он здесь главный.

— Кристина Никольская, — сказал он, и голос его был ровным, без эмоций. — Я много слышал о вас.

Она смотрела на него, чувствуя, как внутри неё закипает злость. Он говорил так, как будто она была экспонатом в музее.

— Я не знаю, что вы слышали, — сказала она, и голос её звучал ровно.

Он усмехнулся — коротко, без тепла. Она заметила, что он смотрит на неё так же, как Максим смотрел на неё в первый день. Сверху вниз.

— Я слышал, что у вас огромный талант, — сказал он. — Возможно, даже больший, чем у моего сына.

Она замерла. Она не ожидала этого. Она ожидала угроз, насмешек, унижений. Но он говорил о её таланте.

Он шагнул ближе, и она не отступила.

— Но талант без дисциплины — пустота, — продолжал он, и голос его стал тише, но от этого страшнее. — У вас есть огонь, есть чувство, есть жизнь в музыке. Но нет стержня.

Вы сторгите, если не научитесь контролировать себя.

Она смотрела на него, чувствуя, как его слова оседают внутри неё. Она хотела сказать что-то, защититься, но он не дал ей времени.

— Мой сын — полная противоположность, — сказал он. — У него есть дисциплина, есть техника, есть идеальность. Но нет того, что есть у вас. Эмпатии. Чувства. Жизни. Он играет как робот. А вы играете как человек.

Она смотрела на него, чувствуя, как его слова проникают в неё, как они находят отклик в той части, которую она прятала.

— Вы дополняете друг друга, — сказал он, и в его голосе появилась лёгкая насмешка. — Но дополнение — это не основа для отношений. Это опасность. Вы можете научить его чему-то. Или разрушить его. Я не знаю, что из этого хуже.

Она молчала. Она не знала, что сказать.

Он развернулся и ушёл, оставляя её стоять в пустом коридоре.

Она стояла, чувствуя, как его слова впиваются в неё, как они застревают внутри. Она не знала, что это было — предупреждение или что-то другое. Но она знала, что он сделал это намеренно.

Она подняла глаза и увидела его.

Максим стоял в конце коридора. Он слышал всё. Его лицо было непроницаемым, но она видела, как он сжимает челюсти, как его руки дрожат. Он смотрел на неё, и в его глазах

не было холода. Была боль.

Он не сказал ни слова. Он просто смотрел на неё, а потом развернулся и ушёл.

Она осталась стоять одна.

Она не пошла за ним.

Она стояла в пустом коридоре, чувствуя, как его взгляд прожигает её, хотя он уже ушёл. Она не знала, что это было — стыд, злость, что-то другое. Она знала только, что не может оставаться здесь.

Она пошла к Денису.

Она толкнула дверь звуковой будки, и он поднял голову от пульта. Наушники свисали с его шеи, и он сразу заметил, что она не в себе.

— Ты выглядишь так, будто только что встретила призрака, — сказал он.

Она села на потёртое кресло и посмотрела на свои руки. Они всё ещё дрожали.

— Я встретила его отца, — сказала она. — Виктора Белозёрова.

Денис замер. Он снял наушники и повернулся к ней.

— И что он сказал?

Она подняла глаза. В его взгляде не было осуждения, только внимание.

— Он сказал, что у меня есть талант, но нет стержня, — сказала она. — Что я могу научить его сына эмпатии. Что мы дополняем друг друга. И что это опасно.

Денис смотрел на неё, и в его глазах было что-то новое — не удивление, а понимание.

— Он хочет вас разъединить, — сказал он. — Через сравнение. Через страх. Он хочет, чтобы ты думала, что ты недостаточно хороша для его сына. Или что он недостаточно хорош для тебя.

Она смотрела на него, чувствуя, как его слова оседают внутри неё.

— Я знаю, — сказала она. — Но я не могу перестать думать о том, что он сказал.

Денис откинулся на спинку стула и посмотрел на неё долго, внимательно.

— Я был на его лекциях, когда учился на первом курсе, — сказал он. — Я тоже боялся его. Я думал, что я недостаточно хорош. Что у меня нет таланта. Что я никогда не стану настоящим музыкантом.

Она смотрела на него, удивлённая. Он никогда не говорил об этом.

— Но ты остался, — сказала она.

— Потому что я понял одну вещь, — сказал он. — Я не должен быть им. Я не должен быть идеальным. Я должен быть собой. И если я буду делать то, что люблю, я найду свой путь.

Он повернулся к пульту и нажал на кнопку. Из колонок полилась музыка — неидеальная, но живая, тёплая.

— Это моя сестра, — сказал он. — Аня. Она играет так,

как будто никто не слушает. Она просто счастлива. Я хочу, чтобы она никогда не узнала страха.

Она слушала, чувствуя, как музыка проникает внутрь неё. Она была другой — не такой, как та, которую играли в академии. Она была свободной.

— Ты хороший брат, — сказала она.

Денис пожал плечами, но в его глазах было тепло.

— Я просто хочу, чтобы у неё была жизнь, которой у меня никогда не было, — сказал он.

Она вышла от Дениса, чувствуя, как внутри неё успокаивается то, что бурлило. Музыка его сестры всё ещё звучала в её голове — тёплая, свободная, без страха. Она думала о том, что сказал Денис: «Я должен быть собой».

Она прошла несколько шагов по коридору и увидела его.

Максим стоял у окна, спиной к ней. Он не обернулся, но она знала: он слышал её шаги. Он всегда слышал её шаги.

Она подошла ближе, но не остановилась рядом. Она остановилась на расстоянии, чувствуя, как между ними повисает что-то новое. Напряжение, которое они оба не могли игнорировать.

— Ты слышал, что он сказал? — спросила она.

Он медленно повернулся. Его лицо было непроницаемым, но она видела, как он сжимает челюсти. Его руки дрожали.

— Он хотел, чтобы я слышал, — сказал он, и голос его был глухим. — Он намеренно сказал это при мне. Он хотел, чтобы я знал, что ты — та, кем я никогда не стану.

Она смотрела на него, чувствуя, как его слова оседают внутри неё.

— Ты не должен быть мной, — сказала она. — Ты должен быть собой.

Он усмехнулся — коротко, без тепла, но в этой усмешке не было насмешки. Только боль.

— Я не знаю, кто я, — сказал он. — Я всегда был тем, кем он хотел меня видеть. А теперь... я не знаю, кто я без этого.

Она шагнула ближе.

— Ты узнаешь, — сказала она. — Если перестанешь слушать его голос.

Он смотрел на неё, и в его глазах была борьба. Она видела, как он хочет верить ей. И как он боится.

— Я не знаю, смогу ли я, — сказал он.

— Ты не узнаешь, пока не попробуешь, — сказала она.

Он смотрел на неё долго, внимательно. Потом сказал:

— Ты уже в моём мире, Кристина. Ты не можешь выйти.

Он развернулся и ушёл, оставляя её стоять в пустом коридоре.

Она смотрела ему вслед, чувствуя, как его слова проникают под кожу. Она не знала, что это было — предупреждение, признание, что-то другое. Она знала только, что он боится. И она не знала, сможет ли она помочь ему преодолеть этот страх.

Она вернулась домой, когда уже стемнело.

В квартире было тихо. Мать сидела на кухне за столом,

сложив руки перед собой. Она смотрела в окно, и в её глазах не было тревоги. Только ожидание.

Кристина сняла куртку, повесила её на вешалку и прошла на кухню. Она села напротив матери, чувствуя, как внутри неё всё ещё дрожит то, что она чувствовала сегодня.

— Ты выглядишь уставшей, — сказала мать. — Что случилось?

Кристина смотрела на неё, чувствуя, как слова застревают в горле. Она не знала, с чего начать.

— Я встретила его отца, — сказала она наконец. — Он сказал, что у меня есть талант, но нет стержня. Что я могу научить его сына эмпатии. Что мы дополняем друг друга. И что это опасно.

Мать слушала внимательно, не перебивая.

— Он хочет вас разъединить, — сказала она. — Через сравнение. Через страх. Он хочет, чтобы ты думала, что ты недостаточно хороша для его сына. Или что он недостаточно хорош для тебя.

Кристина смотрела на мать, чувствуя, как её слова оседают внутри неё.

— Я знаю, — сказала она. — Но я чувствую, как его слова впиваются в меня.

Мать протянула руку и сжала ладонь Кристины.

— Ты сильнее, чем ты думаешь, — сказала она. — Ты уже сделала выбор. Ты выбрала себя. И это самое важное.

Кристина смотрела на мать, и внутри неё что-то отпуска-

ло. Маленький кусочек льда, который она носила в себе годами, начал таять.

Позже, когда мать ушла спать, Кристина осталась сидеть на кухне одна.

Она смотрела в окно на ночный город, на огни, которые мерцали в темноте. Она думала о сегодняшнем дне: объявление, подколы, фальшивая нота на занятии, слова отца, взгляд Максима, Денис и его сестра, слова матери.

Она чувствовала, как её страхи возвращаются, как они пытаются сжать горло. Но она не позволяла им взять верх.

Она встала, подошла к столу и взяла в руки книгу по праву. Она открыла её на закладке и начала читать. Слова ложились в голову ровно, успокаивающе, как голос старого друга.

Она закрыла книгу и посмотрела в окно. За стеклом горели огни города. Тысячи окон, тысячи людей, тысячи жизней. И она знала: она тоже будет жить свою жизнь. Свою, а не чужую.

Она закрыла глаза и прошептала в тишину:

— Я не сдамся.

КОНЕЦ ГЛАВЫ 11

ГЛАВА 12: «После отца»

Она проснулась оттого, что в комнате было холодно.

Не от звука, не от света, не от привычной тяжести. От холода. Он проник сквозь тонкое одеяло, сквозь стены, сквозь кожу — и поселился где-то внутри, прямо под рёбрами. Кристина лежала неподвижно, глядя в потолок, и слушала, как за окном ветер срывает последние листья с деревьев и бросает их в стекло. Каждый удар был сухим, резким, как щелчок, и она считала их, пытаясь отогнать мысли, которые лезли в голову с самого утра.

«Талант без дисциплины — пустота».

Она закрыла глаза, но слова не исчезали. Они висели в воздухе, оседали на стенах, на мебели, на её коже. Она не могла стряхнуть их. Она злилась на себя за то, что они застряли внутри. Она не должна была позволять этому человеку влиять на неё. Она сжала кулаки под одеялом, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

«Ты не позволишь ему победить. Ты уже позволила ему залезть в твою голову. Ты слышишь его голос, когда просыпаешься. Ты думаешь о нём, когда должна думать о музыке. Ты думаешь о нём, когда должна думать о праве. Он уже внутри тебя, Кристина. Он уже внутри».

Она села на кровати и посмотрела на стол. Две стопки. Ноты, которые она когда-то ненавидела, и книги по праву,

которые она когда-то прятала под кроватью. Теперь они лежали рядом, как два мира, которые она пыталась соединить. Она взяла книгу по праву в руки и провела пальцами по обложке. Бумага была холодной, шершавой. Она открыла её на зак

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.